

Матьяна Веденская

ЛУЧШИЙ
РОМАН
ОБ
ОТНОШЕНИЯХ
журнал
секреты

Мужчины
КАК
ДЕТИ
♥

РОМАН-ТЕСТ
УЗНАЙ СЕБЯ ЛУЧШЕ!

Татьяна Веденская

Мужчины как дети

«Автор»

2010

Веденская Т.

Мужчины как дети / Т. Веденская — «Автор», 2010

Ох уж эти мужчины! Сами не знают, чего хотят. Павел всю жизнь пытался обскакать своего старшего брата, но не задумался ни разу, зачем это ему. Ведь братья – это же все равно навсегда. Не отставал от него и Александр. И если в бизнесе или в любви он оказывался не первым, то уж в вопросах морали и эстетики равных ему, как он сам считал, не было. А лучше бы братья Светловы задались вопросом – чего хотят женщины? Ведь жизнь полна сюрпризов, и в один прекрасный момент именно женщины взяли управление братьями в свои нежные руки.

© Веденская Т., 2010

© Автор, 2010

Содержание

* * *	7
Утверждение 1	8
Утверждение 2	13
Утверждение 3	18
Утверждение 4	24
Утверждение 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Веденская

Мужчины как дети

Разве можно быть хоть в чем-то уверенным в наше сумасшедшее время? Разве что в том, что зарплату обязательно задержат.

Самообман – это единственный способ сосуществования с такой сомнительной личностью, как я сама.

Неужели живой?» – подумал Павел, стоило ему на несколько секунд прийти в себя. Вернее, не совсем прийти, так как в себя он как раз не пришел. Он понятия не имел, что происходит с ним, то есть со всем тем, что он всегда считал собой, – с его руками, ногами, плечами и прочей телесной оболочкой. Ее он не ощущал совершенно, а от всего него, Павла, осталась только эта самая мысль: «Неужели живой?» Первая более-менее ясная мысль, образовавшаяся после серой пустоты, в которой он провисел неизвестно сколько времени. На большее у него сил не хватило, и даже от одной этой возникшей в мозгу мысли он сразу страшно устал. Конечно, слово «устал» тут тоже было не совсем точным. Устал – это звенящее напряжение мышц после нескольких партий в теннис, когда все тело ноет от сладкого изнеможения. Вот это – устал, а сейчас чему уставать? Мозгу? Может быть, может быть. Павел попытался вспомнить, когда он был на корте в последний раз, и не смог. Очень давно. Жена уже и звать его с собой перестала – чего с ним связываться, если его никогда нет дома. Это правда, никогда нет. И непонятно теперь, будет ли. Почему, кстати, он все-таки перестал играть с ней в теннис? Павел не успел додумать свою вторую мысль, как снова этот крошечный обломок сознания, в котором он оказался весь сосредоточен, поглотила серая тишина, в которой нет ни времени, ни пространства, ни ощущения самого себя.

Сколько времени прошло, сколько он пробыл в этом небытии, он не знал. Может быть, вечность, может – пару минут. Но как-то вдруг Павел смог открыть глаза и увидел перед собой красную пелену. Сквозь этот алый туман перед ним возникло из ниоткуда чье-то незнакомое женское лицо. Откуда оно взялось и чего хотело, было непонятно: женщина явственно пыталась что-то сказать, старательно шевелила губами и вообще активно меняла мимику, слышно Павлу ничего не было. Тишина вокруг стояла такая, как будто у всего мира кто-то взял и нажал кнопку «Mute»¹ на пульте. Полнейшее безмолвие.

Павел мирно лежал и смотрел на лицо, пока оно не исчезло, отчего мужчина почувствовал легкую грусть. Ощущения тела у него по-прежнему не было, из всех чувств осталось только вот это красноватое зрение, но и оно было бесполезно, так как и сквозь него он видел только какую-то черноту, какие-то контуры. Что это такое, понять было невозможно. Павел попытался сосредоточиться, хотя в такой гребаной тишине это не так-то просто было сделать. Чернота пугала, но Павел почему-то почувствовал, что сейчас самое главное – понять, что это за контуры. Поймет это – поймет и все остальное: где он, что с ним и вообще, почему вокруг такая странная тишина.

Но из всех воспоминаний в голове только навязчиво крутился анекдот про то, как встретились в лесу Красная Шапочка и Волк, и Волк останавливает, естественно, Красную Шапочку.

«У тебя, Красная Шапочка, есть только два варианта», – говорит волк.

Что там было дальше и в чем, собственно, состоял юмор, вспомнить не удалось. Зато вместе с анекдотом всплыла в памяти фамилия – Степанов. И смеющееся лицо этого самого Степанова. И почему-то ужас, холодный, леденящий душу и пугающий даже больше, чем чернота. Павлу стало страшно. Он попытался пошевелить... хоть чем-то пошевелить, но оказа-

¹ Mute – молчание, безмолвие, немота (англ.).

лось, что смотреть на размытые черные контуры – это все, на что он способен. Да и то, контур все больше мутнел и пропадал в тумане.

*** * ***

Дойдя до конца этой книги, вы, возможно, сможете узнать что-то новое о себе. Или, возможно, вы и так все это уже знали. Оба варианта имеют свой смысл.

Утверждения оцениваются в баллах, от нуля – категорически не согласен до десяти – абсолютно согласен.

Утверждение 1

Мне часто не хватает выдержки

(____баллов)

Если бы кто-то спросил Жанночку, что в ее жизни главное, она бы ни на секунду не задержалась с ответом – конечно же, любовь. Что может быть еще важнее в жизни, чем это? Жанна столько лет занималась этим вопросом, изучала его теоретически и практически, что стала, можно сказать, профессионалом сердечных дел. Психология личных отношений была исследована ею «от» и «до». От реального, официально зарегистрированного брака до легких, ни к чему не обязывающих интрижек. И то и другое ее разочаровало невероятно. Девушка стремилась к отношениям доверительным, заботливым, мечтала найти кого-то, с кем она могла бы построить по-настоящему близкие отношения. Кого-то, кто понимал бы и ценил ее прекрасные душевные качества. В том, что Жанночкины душевные качества были прекрасны, сомневаться не приходилось – она многократно доказывала это с убедительностью асфальтового катка. Впрочем, для объективности следует отметить, что Жанночка действительно верила в любовь и всей душой стремилась найти и осчастливить кого-нибудь, не столь уж важно, кого.

За все эти годы научно-популярных изысканий Жанна убедилась, что основная проблема заключается в измельчании и опошлении нынешних мужиков. Ее бывший супруг теперь работал слесарем в ДЕЗе и любил заниматься виртуальной любовью с нарисованными мультяшными женщинами, а ведь он был не самым худшим вариантом когда-то. Да, мужики ничего не хотели, кроме пива и чипсов, и эта проблема никак не поддавалась решению, однако Жанночка не опускала руки и продолжала строить любовь всем ветрам назло. С кем? Ну, уж с кем придется. Главное, чтобы отношения были правильными. Жанночка ратовала за чистоту отношений.

Ее нынешний Ёжик подавал определенные надежды в смысле душевности, однако не оставлял Жанну и без опасений. Любовники были вместе уже два месяца, несколько раз крепко поругались, один раз Ёжик даже собирал чемоданы, но... они так и не разошлись. Это был хороший признак. И еще, он делал отличный кофе по утрам, без просьб и уговоров, а исключительно по собственной инициативе, а это было важно, так как у самой Жанночки перед работой вечно не хватало времени заняться этим. Так что в определенном смысле Ёжик был совсем неплох. С другой стороны, у Ёжика был и один, но большой изъян, с которым надо было долго и методично бороться. Он не был амбициозен. Он ни к чему не стремился, даже к тому, чтобы найти себе приличную работу. Ёжик перекачивался с одного места на другое, то чем-то приторговывал, то что-то распространял, но денег от этого не было никаких, и Жанне по-прежнему приходилось разбираться с финансовыми проблемами самостоятельно. С третьей стороны, при определенных усилиях, при методичности и упорстве, разве не справится Жанна с этой, пустяковой в общем-то, проблемой, разве не найдет способа стимулировать его деловую активность? Ради любви-то! В общем, Жанна была в задумчивости.

Вообще-то, барышня не была меркантильна. Она много времени потратила на психологию, на изучение разнообразных теорий о жизни и теперь могла смело утверждать, что знает о том, как устроен этот мир. Такие понятия, как гармония, космическое благо, и прочая эзотерическая терминология не были для нее пустым звуком. Так что Жанна понимала и про деньги, что они не более чем поток энергии, отражаемой нами же самими. И стоит нам только по сильнее захотеть, как этот самый поток хлынет к нам, как шампанское из бутылки, которую взболтали. Так что об этом говорить? Деньги – это не тот момент, на котором стоит заострять внимание.

Да, все это так было для Жанны, но только не сегодня, пятого сентября, в пятницу, в десять утра, день солнечный, с легким юго-восточным ветром. Сегодня дамочка предпочла забыть о теории космического блага. Она стояла перед банкоматом на первом этаже своей родной конторы и с яростью взирала на табло.

– Что, не перевели? – грустно спросила Маша, коллега из эндокринологии, ординаторская которой была по соседству с отделением Жанны. – Нам тоже.

– Черт знает что! Как мне теперь выходные пережить?

– Они нашу зарплату крутят, а проценты себе в карман кладут, – поделилась подозрениями Маша. – Я читала статью в газете, у них есть даже какой-то овердрафт, кажется. Можно на три дня ссудить деньги другому банку и получить процент. Вот и крутят.

– В газете? Подкармливаешь желтую прессу? – усмехнулась Жанна. – Тебе не говорили, что газеты читать вредно, от них несварение желудка бывает. Еще Булгаков писал...

– А ты что-то плохо выглядишь, с дежурства, что ли? Домой? – перебила ее Маша.

– Ага, – печально кивнула Жанна, вытаскивая выдавшую виды карточку из зловредного автомата. – Иду домой на верную смерть. У меня кран течет, в баночку, меняем ее раз в три часа, а денег нет, так что ничего хорошего меня дома не ждет.

– А Ёжик? – резонно уточнила Маша. Она, признаться, не была уверена, что Жанночкин Ёжик не сменился за то время, что они не виделись. Но какой-то же Ёжик у Жанны дома всегда находился.

– Ёжик щиплет травку. За мой счет. Нет, ну почему жизнь так несправедлива! – возмутилась Жанна. – Они не могли задержать зарплату в следующем месяце? У меня все ходы расписаны, а они сбивают с ритма. Что мне сказать соседям, когда у них польет с потолка? Что у нас деньги на овердрафте?

– Нет, я не понимаю тебя, – поделилась Маша, сопровождая Жанну на выход, к проходной. – Зачем нужно жить с мужчиной, если он не может даже крана починить?

– Ради чистой любви, – улыбнулась Жанна. – И ради здоровья тоже. А впрочем... ты права. Озадачу-ка я его, пожалуй. Не все же ему прохлаждаться.

– Это правильно, – одобрила Маша, проходя через турникет.

У них в больнице с охраной все было очень даже серьезно. Электронные пропуска, видеокамеры, строжайший контроль. Правда, пройти или даже проехать на территорию больницы и без пропуска не составляло никакого труда. Пятьдесят, ну максимум сто рублей – и ты паркуешься у входа в приемное отделение. Плюс улыбка от охранника бесплатно. Сервис! Но это только для посетителей и под строжайшим секретом (т-с-с-с!). А сотрудники, забывшие, к примеру, пропуск в другой сумочке, получали от стражей врат по полной программе. Жанну это бесило. Девушка мечтала что-то сделать с этим, а пока ей приходилось бросать машину за воротами, на общей парковке. Для постоянного пропуска на машину требовалось разрешение главврача, то есть читай – невозможно ни при каких раскладах. Иерархия. Или полтинник за въезд. А какой тут полтинник, когда вода из трубы в баночку капает.

– Тебя подвезти? – спросила Жанна Машу, кликая ключом сигнализации. Их больница располагалась в экологически тихом месте недалеко от МКАДа и очень далеко от любого метро. До «Речного вокзала» три дня на оленях, даже до «Планерной» из-за пробок добраться невозможно. Одно слово – Химки. В свое время именно это расположение стало причиной покупки автомобиля, настолько далекого от мечты, но столь приближенного к материальному положению Жанны. Старенькая «восьмерка» заводилась только после того, как трижды хлопнешь правой дверью, у машины не открывалось окно со стороны водителя, а в остальном, пре-красная маркиза...

– Ага, давай. Тебе куда? – поинтересовалась Маша.

– Домой, – вздохнула Жанна. Еще бы, с ее последним стельником в кошельке далеко не уедешь. Хорошо, хоть бензин есть, почти полный бак. А все-таки, какого черта? Жанна

в который раз подумала, что все ее Ёжики – это какой-то эрзац, а не мужчины. Почему она должна так страдать? Почему нынешний Ёжик не может нормально работать? Этот вопрос возникал у нее не в первый раз, но сейчас он набрал громкость и силу, нужную для того, чтобы начать скандалить. Жанна еле сдерживала себя.

Подъезжая к дому, она попыталась немного сбавить обороты. «Неужели я так много прошу? – кричала ее израненная душа. – Неужели же в этом есть что-то плохое – помогать друг другу, быть ответственными?» – продолжала она. Но невозмутимый внутренний голос отвечал ей: «Ты, милочка моя, вспомни, чем скандал кончился в прошлый раз? Забыла? Или хочешь, чтобы Ёжик забрал свои вещички? Одна давно не была?» – «Но это же невозможно! – возмущалась Жанна. – Разве это отношения? Разве его чувства ко мне не должны его как-то подтолкнуть? Почему я вынуждена тянуть все сама». – «Не обязана. Только вот... потом не жалуйся, ладно?»

Жанне всегда было трудно договориться с самой собой в такие моменты. С одной стороны, кран и баночка, пустая кредитка и отсутствие денег на новые осенние сапожки, которые она видела в обувном напротив больницы. С другой стороны, на тот момент, когда на вечеринке познакомилась с Ёжиком, она почти полгода была совершенно одна (случайные свидания, закончившиеся ничем, не в счет). И быть одной Жанне не нравилось, совсем не нравилось. Она плохо засыпала по ночам, ей нужен был рядом какой-нибудь человек. Она чувствовала себя лучше всего, если знала, что ее кто-нибудь любит. Так что скандалить – это не выход. И Жанна попыталась сдержаться. Впереди были три выходных дня, и она решила не портить их себе.

– Я дома! – отрапортовала она, открывая дверь ключом.

– Жанна, это ты? – немедленно откликнулся Ёжик, сидящий в своем любимом кресле с компьютером на коленках и огромной чашкой чая на журнальном столике. Жанна увидела все это, заглянув из прихожей в комнату, она моментально отметила пустой пакет из-под печенья, море крошек в радиусе двух метров вокруг Ёжика, мокрые круги от кружки на журнальном столике, который она когда-то купила в ИКЕА.

– А ты что, кого-то еще ждешь? – холодно переспросила она, стирая всякую доброжелательность со своего лица. «Добрая женщина» пока подождет. Какого хрена?

– Жаннуся, ты представляешь, оказывается, на просторах Интернета можно сделать сайт совершенно бесплатно. Надо только покопаться, прикинуть, что к чему. Можно даже сделать сайт специалиста. Представляешь, как это будет здорово.

– Ёжик, я сколько раз просила не пить тут чай! – спокойно, но холодно одернула его Жанна.

– Ой, прости. Я так как-то взволновался. Я все уберу.

– Ёжик, это просто свинство. Почему ты слопал все печенье?

– Не заметил, – удивился он, действительно с очень достоверным удивлением оглядывая пустой пакет на столе. – Хочешь, я сбегая и куплю еще.

– Сбегай и купи, – ехидно кивнула Жанна, прекрасно зная, что, чтобы купить, надо просить деньги у нее же, у Жанны.

– Жанночка, а ты чего такая? Что-то случилось? Что-то на работе? Опять охранник нагрубил? – ласково и взволнованно спросил Ёжик, гениально игнорируя острый угол. Вот что в нем было действительно здорово, так это то, что он умел вот так гениально уходить от удара и просто его не замечать. Но сегодня Жанна не собиралась спускать все на тормозах.

– Случилось, – еще холоднее кивнула она. – Нам задержали зарплату. А поскольку я единственная, кто в этом доме зарабатывает хоть какие-то деньги, получается, что теперь нам это самое печенье купить не на что. У меня осталось сто рублей.

– Надо же, какие сволочи, – моментально завелся Ёжик. Он нахмурился и забегал по комнате, спотыкаясь о мебель. – Да, ты права, я должен поменьше думать о себе и помогать тебе. Ты моя девочка, ты не должна все тянуть на себе.

– Это уж точно, – прищурилась Жанна.

В эту игру они с Ёжиком еще не играли. О чем это он?

– Я завтра же начну искать работу. Мне предложили тут сторожем подработать, наверное, придется согласиться. Я, правда, не хотел, там все-таки работа суточная и деньги не такие уж большие. Но... что делать. Выбора-то нет. Ладно, ты отдыхай. Пойди ванну прими. Мы что-нибудь придумаем.

– Ты серьезно? – удивилась Жанна. – Ты хочешь пойти работать сторожем?

– Да хоть грузчиком, лишь бы ты не злилась.

– Ладно, подумаем, – растерянно пробормотала Жанна, не зная, как отреагировать на такую сговорчивость. Грузчиком – это, конечно, хорошо, но это было совсем не то, что она ждала от своего Ёжика. Зачем ей грузчик, у нее уже был слесарь. Кстати, о слесарях, Жанна задумчиво потерла лоб, глядя на то, как мечется красивый, весьма красивый, хоть и не первой свежести Ёжик. Надо позвонить Бориске. Определенно, шансов на то, чтобы Ёжик самостоятельно справился с проблемой баночки и крана, немного. Значит, Бориске. Не хочется, а что делать. Три выходных дня до следующей смены можно и не дотерпеть.

– Как прошел рабочий день? – спросил Ёжик, когда Жанна выпила чаю и немного расслабилась.

– Все нормально. Только устала. Операция долгая. Лучше бы я уж кесаревы делала, ей-богу. Чик – и можно идти истории писать. А тут... – пробормотала она, подумывая, как бы ему лучше обставить необходимость Борискиного визита. Все-таки это не самый приятный вариант – визит бывшего мужа.

– Хочешь, я приготовлю тебе макароны? Будешь макароны? – продолжал он. Жанну все еще удивляла эта приторная заботливость, которой он окружал ее вот уже два месяца. Кофе по утрам, макароны по вечерам. Высшее образование, факультет экономики. Умеет себя вести, умеет себя подать. Почему же он сидит на ее кухне в ее же тапках? Странно, странно. Ладно, разберемся.

– Нет, я ничего не хочу. А какие у тебя планы? На выходные, я имею в виду? Будешь дома?

– Да, а что, ты что-то хотела? Ты устало выглядишь, тебе надо больше отдыхать. Кто вообще придумал эти дежурства?! Чего ты наоперируешь, если до этого двадцать часов на ногах!

– Скажи это нашему главврачу. Вообще-то даже не ему, а министру здравоохранения. Слушай, когда мы будем кран-то чинить? Может, на выходных? – издали осторожно зашла она.

– Ах ты, я забыл про этот кран. Мы так редко бываем просто вместе. Завалились бы на диван, отоспались бы, кино какое-нибудь посмотрели бы. Я тут скачал одно, про пришельцев.

– Я про пришельцев не люблю, – замотала головой Жанна.

В тепле и уюте малюсенькой двушки в Бусинове, накрытая пледом, Жанна смогла наконец расслабиться и отключиться ото всех этих мелких проблем, которые, как комары, зудели и зудели, зудели и зудели. А ведь она и вправду устала. Операция длилась шесть часов, хотя все понимали, что никакого от нее не будет толку. Все равно пациент помрет – травмы, несовместимые с жизнью. Каша, а не пациент, но шесть часов как с куста. Падала от изнеможения.

– Хочешь, посмотрим доктора Хауса? – предложил Ёжик, чем заставил Жанну вынырнуть из сонных мыслей и удивленно уставиться на него.

– Ты что, думаешь, мне этой ерунды на работе не хватает?

– Ну... мне нравится.

– А мне нет.

– Ладно. Пойду кран посмотрю, – буркнул Ёжик и отчалил в сторону ванной, чем вызвал Жаннино беспокойство.

– Сейчас?

– А когда? – вытаращился он. – Посмотрю, чего там надо прикупить. Наверное, крепеж потек.

– Может, я все же Бориске позвоню? – не сдержалась Жанна. Ёжик помрачнел. Глядя на него, Жанна суетливо добавила: – А то, если ты сломаешь там что-то, как я потом хозяйке это объясню. Я и так не представляю, как с ней буду договариваться о деньгах. Зарплату-то вообще неизвестно когда дадут. Может быть, ты сможешь за меня в этот раз заплатить?

– За квартиру? – нахмурился Ёжик. – А сколько?

– Тысячу долларов, – развела руками Жанна. – Я тебе потом компенсирую, ну, как зарплату дадут. Хотя ведь мы же тут вместе живем.

– Да, конечно. Но у меня же нет таких денег, – окончательно помрачнел Ёжик. Жанна с интересом наблюдала за его реакцией. Значит, о деньгах говорить не хотим. Да, возможно, сейчас был не самый лучший момент для «проверочки», но ведь зарплату действительно нет. Пусть теперь пошевелит мозгой.

– Надо у кого-нибудь занять. Что же делать? Ладно, ты пока подумай, я тоже подумаю. Но кран-то все равно чинить надо, – сменила тему Жанна.

– Я не хочу, чтобы твой бывший сюда приходил. Мало мне того, что он у тебя деньги занимает?

– Вот и отработает, – подвела промежуточные итоги Жанна.

Весь этот треп был пустым ритуалом, потому что рано или поздно все делалось именно по-Жанкиному. Как и ожидалось, Ёжик сдался после непродолжительной, но бурной обиды, а также после нескольких пассов отверткой, после которых в баночку уже не капало, а лило. И Жанна с выражением высочайшего долготерпения на лице позвонила Бориске и прилюдно, чтобы Ёжик не сказал потом, что она там любезничала, объяснила Бориске, что долг платежом красен и чтоб комплект крепежей и вообще все, что нужно, он захватил с собой.

Утверждение 2

Если мои желания мешают мне, то я умею их подавлять (____баллов)

Александр Евгеньевич сидел в кафе, в маленьком, тесном зале для некурящих, и невыносимо мучился оттого, как сильно тут было накурено. Он никак не мог понять, зачем отделять дурацкой фальшивой стеной два зала, если в них все равно нет вентиляции. И весь дым из первого, просторного и удобного зала для курящих переползал в зал для некурящих, в котором не имелось никаких окон, и смог оставался там навсегда.

– Как же мерзко! – то и дело восклицал он. – Как мерзко. Надо же было такое придумать.

– Что-нибудь еще? – осведомилась официантка, решив, что его изъятие эмоций может быть как-то связано с заказом. На данный момент «неудобный» клиент просидел уже почти полчаса, а в чеке значился только чай с чабрецом.

– Нет уж, увольте, – фыркнул Александр Евгеньевич и взглянул так, чтобы просверлить своим презрением официантку насквозь.

– Вас рассчитать? – сделала она новую попытку.

– К сожалению, пока что мне еще придется тут у вас посидеть. В этом дыму, – развел руками он.

– Как скажете, – кивнула официантка, профессионально проигнорировав откровенный укол. Что с того, что в кафе дым стоит коромыслом, она-то тут при чем? Нет, в самом деле, как будто это именно она позабыла проложить в этом кафе систему вентиляции, самолично виновна и должна понести заслуженную кару. Должна? Нет уж, она тут ни при чем, значит, пошел бы он, этот уважаемый дядя, куда подальше.

– Придется потом все в химчистку сдавать, – расстроился Александр Евгеньевич.

Костюм был совершенно чистым и вполне мог послужить еще несколько раз, но представить, чтобы он, Александр Евгеньевич, надел пропахший табаком костюм, было невозможно. Он действительно уважал себя. А официантку эту – нет, не уважал. Но адвокат опаздывал, и в связи с этим стоило подумать, связываться ли с таким вот защитником, назначавшим встречу в подобной дыре. Так серьезные дела не делаются, а у Александра Евгеньевича все дела были серьезными. И сам он был весьма уважаемым и серьезным человеком, что замечали даже официантки.

– Прошу прощения за опоздание. Пробки, – бросил Александру Евгеньевичу невесть откуда взявшийся адвокат. Вот уж действительно, помяни черта. Пробки у него, понимаешь. А у Александра Евгеньевича, что – вертолет? Нет, нету вертолета. Он деньги зарабатывает, не ворует, так что вертолета у него нет и не предвидится. Однако вот он – сидит тут и злится, потому что на это самое «пробки» сказать нечего. Универсальная отмазка для несерьезных людей.

– Знаете, я не считаю это уважительной причиной, – пробормотал Александр Евгеньевич сквозь сжатые губы.

– О, я вас прекрасно понимаю, – расплылся в широчайшей улыбке адвокат. – Сам такое терпеть не могу. Иногда люди бывают так невыносимы, думают, что их будут ждать вечно. Это совершенно недопустимо, не по-деловому, верно?

– Это точно, – буркнул Александр Евгеньевич, с некоторым удивлением осознав, что, кажется, этот пройдоха озвучил его часть текста – гневную.

– С другой стороны, я сам опоздал, каюсь. И выгляжу как полный... идиот. Хотя реальный идиот врезался на Маросейке в трамвай и перегородил единственную полосу движения. Что же мне теперь делать? Неужели наше с вами дело будет страдать из-за какого-то дурака, врезавшегося в трамвай? Я, как адвокат, считаю, что в этом случае я должен потребовать с него компенсацию за упущенную выгоду.

– Ладно, садитесь, – бросил Александр Евгеньевич, чувствуя некоторое странное удовлетворение хотя бы от того факта, что ему порекомендовали действительно прекрасного болтуна. Дай-то бог, чтобы от него была какая-то польза. Во всяком случае, его посоветовали очень серьезные люди.

– Отлично. Вы уже ели? Есть хочется страшно. Вы не возражаете? – Адвокат спрашивал, но ответа не ждал, уже щелкал пальцами, подзывал к себе официантку, заказывал еду, не глядя в меню, из чего становилось понятно, что бывал он в этой дыре регулярно и меню знает. И в конце концов (видимо, такой уж это был день), этот гусь достал пачку сигарет и положил ее на стол.

Александр Евгеньевич закатил глаза:

– Я ошибаюсь или это зал для некурящих? – вежливо уточнил он.

Адвокат засмеялся:

– Да, и для непьющих. Ладно, извините. Я что-то зашутил. Потом покурю. Так в чем же претензия собственника? Чего он от вас хочет?

– Как чего? Выкинуть нас на улицу и заграбастать себе прекрасно оборудованное помещение, – фыркнул Александр Евгеньевич и стряхнул с рукава невидимую соринку. История эта возмущала его до глубины души. Что это за бизнес, если договора не выполняются, а грубо нарушаются! Согласно договору долгосрочной аренды на сорок девять лет, ему, вернее, его фирме «Магнолия», в пользование от городского фонда было передано помещение общей площадью сто девятнадцать метров квадратных нежилого назначения под элитный салон красоты.

– Это что? – уточнил адвокат. – Парикмахерская?

– Нет, не парикмахерская, – побледнел от возмущения Александр Евгеньевич. Его младший брат тоже постоянно дразнил «Магнолию» парикмахерской, специально, чтобы позлить старшенького. Он считал все потуги Алексашки (он его звал так с самого детства, хотя с самого детства Александр Евгеньевич требовал, чтобы тот прекратил) мутью, и Александра Евгеньевича это страшно бесило. Хотя непонятно почему. Почему для него мнение младшенького вообще должно что-то значить? Он что – эталон? Ветреный, занимается какими-то темными делишками, которые обязательно однажды доведут его до беды. Сколько времени Александр Евгеньевич потерял в попытках образумить брата, но тот только смеялся и отвечал, что если и он станет когда-то таким же старым и скучным, то обязательно заведет себе парикмахерскую. И тоже назовет ее каким-нибудь безвкусным именем типа «Магнолия». Будет продавать услуги педикюра.

– Хорошо, а в чем проблема? – спросил адвокат. Александр Евгеньевич вернулся в реальность. – Что случится, если вы потеряете это помещение?

– О, как вы можете о таком спрашивать? Мы получили его пять лет назад, по *совершенно* другим ценам. Сделали ремонт. Планировали впоследствии приватизировать это помещение. У нас стоит гидромассажная ванна, два солярия, устройство для аппаратной косметологии. – Александр Евгеньевич почувствовал, что начинает нервничать. От мыслей, что его «Магнолия» может быть поправа, ему всегда становилось плохо.

– Ладно, я понял, – кивнул адвокат и принялся вертеть в руке сигарету. Ему хотелось курить.

– Я рад. Скажите, есть ли шанс что-то сделать?

– По закону вам могут предложить альтернативное помещение и обязаны будут компенсировать затраты на ремонт.

– Но...

– Да, только те, что вы сможете подтвердить документально. И компенсировать они их вам будут до второго пришествия. У вас есть время ждать?

– Нет.

– Тогда, думаю, есть только один выход, – вздохнул адвокат с притворной грустью.

Александр Евгеньевич знал, о чем речь. Все эти проблемы были связаны с тем, что в городском фонде сменилось руководство. Чиновник, с которым пять лет назад взаимодействовала «Магнолия», и, надо сказать, весьма разорительно для себя взаимодействовала, испарился в дебрях госструктур. И на месте одного отрубленного от кормушки чиновника, как в случае с гидрой, немедленно возникло два других, жадных и голодных.

– Я бы хотел решить этот вопрос законным путем. Вы ведь говорите о взятке?

– Боже упаси, – чуть не подавился адвокат. – Разве я что-то подобное говорил? Впрочем, раз уж вы сами произнесли это страшное слово, то неужели хотите обойтись исключительно правовыми механизмами?

– А что, это для вас так удивительно? – нахохлился Александр Евгеньевич. В словах и в особенности в тоне, которым все это сказал адвокат, ему послышалась насмешка. Его брат, услышав о всей этой кутерьме, сразу сказал, чтобы Алексашка не был дундуком и спокойно «подмазал» кого надо, пока не началось. «Что ты как ребенок? – смеялся он. – На принцип идут только дураки».

– Нет, это нормально, – пожал плечами адвокат. – Не очень эффективно, но нормально. Правда, за результат тут трудно отвечать. Такое уж у нас правовое государство. Ладно, отсудим вам компенсацию.

– Это невозможно. У нас помещение на Покровке, зачем нам эта компенсация? Неужели же ничего нельзя сделать?

– Послушайте, я дам вам добрый совет. Вы ведь кажетесь мне серьезным человеком. Ну что вы упираетесь? Это может кончиться только одним.

– Чем?

– Вы потеряете больше. Они это знают, вы это знаете, только им все равно, что вы в итоге решите, а вам – нет. Хотите – я подам заявление, и вы переедете в Бутово, будете там прекрасно делать пилинг красивым девушкам за небольшие деньги. Тоже вариант. Но о Покровке можно забыть.

Совет был и вправду добрым, хотя и означал, что впереди у Александра Евгеньевича крайне непростые времена. «Магнолия» приносила прибыль, но ее едва хватало на жизнь, а между тем покупка оборудования, текущий ремонт и непредвиденные расходы постоянно образовывали брешь. Элитных салонов вокруг становилось все больше, дамы из «Мерседесов» – все капризнее, а последний кризис уменьшил их популяцию чуть ли не вдвое. Все это огорчало Александра Евгеньевича, и только большой офис на Покровке как-то примирял его с действительностью. Значит, получается, придется давать на лапу. И давать много, потому что он, Александр Евгеньевич, уже наделал глупостей, уже скандалил и грозил судом. Значит, придется искать специального человека со специальным подходом. Траты, траты.

Александр Евгеньевич вздохнул, глядя на счет, в который включили и адвокатов обед. Тот ласково пообещал разобраться, покарать и вообще всячески способствовать, а затем исчез, не обременив себя мыслями об оплате хлеба насущного. Вздохнул же Александр Евгеньевич потому, что получалось, что мерзавец брат с его криминальным взглядом на жизнь оказался прав, хотя и не должен был бы. И получалось, что если бы Алексашка послушался брата, то как минимум трети расходов можно было бы избежать. А еще вздохнул он оттого, что в этом весьма щекотливом деле не было лучше решения, как обратиться к этому самому пресловутому братцу за помощью. У него и связи, и нужные люди. И обставляет он такие дела мастерски. Однако от одной мысли о предстоящем разговоре Александра Евгеньевича передергивало.

«Что, отбирают парикмахерскую. Ах, негодяи! – наверняка скажет он. – Что же ты, сам не справишься? Конечно, как какое грязное дельце – это к Паше, да? А как премии на конкурсах получать – так сам, все сам».

«Ничего подобного», – будет оправдываться Алексашка, но на самом деле все так, именно так и даже еще хуже. Брат мешал Александру Евгеньевичу, он был для него неудобен, слишком уж открыто демонстрировал свой успех, слишком уж ярок был, везуч. Все, что хотел, творил. Никого не слушал, никогда. И всегда ему все с рук сходило. С самого детства, еще бы – младшенький. Везунчик, блин. Или, предположим, не будет он даже ничего этого говорить. Просто возьмет, да и поможет. А все равно обидно – почему Алексашка не может справиться сам. Ведь серьезный человек и поступает всегда правильно, как подобает. Не курит. Выпивает только по праздникам. Вот разве что с женой бывшей поступил не совсем хорошо... Это было. Но ведь не оставляет без помощи, без внимания. Не мог он с ней жить, не мог больше. А почему – до сих пор не понимал, вроде всем была хороша. А вот опротивела. Не вся и не совсем, а только в смысле... ну, в том самом смысле, из-за которого люди вообще женятся. Но до такой степени, что в комнату войти не мог, хотелось волком выть, когда ее зовущие глаза видел, пеньюары эти. А еще ужас – вдруг залетит, что с ней потом делать. Никогда уже не отделаешься. Как честный человек.

Александр Евгеньевич достал мобильник и долго в нерешительности наглаживал сенсорные кнопки. Мысли легко перескакивали на какую-то ерунду. На то, как все-таки нынче далеко техника пошла. Шагнула семимильными. Когда еще только появились эти мобильные телефоны, они были на кувалды похожи, с чемоданами в придачу. Тогда они были только у самых крутых – у бандитов преимущественно. Даже у Пашки такого не было. А потом завелся, кажется, «Сименс». Тоже лопата. И так далее. А теперь у Александра Евгеньевича в руке лежал и не мобильник вовсе – комбайн. И навигатор, и коммуникатор, и еще черт знает что, с Интернетом внутри. Только ковырайся.

В трубке вместо гудка под гитару пели «Ваше благородие, госпожа удача», Александр Евгеньевич дослушал почти до конца третьего куплета, про «девять граммов в сердце», но братец, как всегда, брать трубку не спешил. Он всегда так делал, отчего Александр Евгеньевич злился страшно. Ему казалось, что это мерзко – таким вот способом показывать, что родной брат тебе по барабану. Все-таки как так можно? А может, он вообще уже давно нажал кнопку «сделать звонок беззвучным»? Почему-то Александр Евгеньевич был убежден, что братец так поступает достаточно часто, особенно с ним. У него вообще были свои, совершенно непонятные и невообразимые представления о вежливости и культуре.

– Нет, ну это все-таки ни в какие ворота, – фыркнул он, нажимая отбой. – Небось где-то лазит со своими дружками-бандитами. Наверняка опять нажрались и ни черта не слышат.

– Вас можно рассчитать? – приторно-ласковым тоном спросила официантка, чем окончательно развеяла сомнения Александра Евгеньевича относительно чаевых.

– Да, рассчитайте, – сухо кивнул он, демонстрируя недовольство качеством обслуживания.

– Всего хорошего, – сквозь зубы ответила официантка, устало сметая крошки с выдавшей виды скатерти.

Александр Евгеньевич поднялся, поправил костюм, подосадовал на складки на брюках, потом вспомнил, что костюм все равно пропал, и махнул на все рукой. День определенно шел через пень-колоду, что было, в общем-то, и неудивительно. Пятница в Москве всегда была сумасшедшей, нервной. В пятницу ничего хорошего случиться просто не могло. Александр Евгеньевич снова набрал Пашкин номер, снова «насладился» пением в трубке, но требуемый результат достигнут не был. Почему он всегда заставляет себя искать и ждать? Демонстрирует эту свою вечную занятость «настоящими делами». Какие у него «настоящие» дела? Грабить родную страну? Спекулировать недрами? Доесть блинчик? Или дураться с женой, с которой

они вечно чуть ли не до первой крови скандалят. Этого Александр Евгеньевич никак не мог понять – зачем так вот вместе жить, если постоянно орать и бить тарелки о головы? Ведь ясно же, что Павел уже давно не любит эту языкастую тощую стерву – свою женушку. Впрочем, на этот вопрос имелся как раз очень простой ответ, от получения которого самого Александра Евгеньевича спасли собственное благоразумие и развод.

«На пузо поймала, – не без некоторого внутреннего удовлетворения констатировал он. – Определенно, если бы не беременность, летел бы Пашка от нее белым лебедем. Но, как честный человек и все такое... Хотя это-то как раз не про него. Честный человек – не смешите меня. Инстинкт!»

У брата росла дочка, Машенька (тоже мне имя, не мог ничего оригинальнее придумать), которая лучше любых якорей приковывала отца к семье. Именно она заставляла вечно пьяный, шальной папочкин корабль все-таки причаливать в родную гавань хотя бы через раз. Пашка дочку обожал, наряжал как куклу и баловал сверх всякой меры, явно планируя вырастить из нее стервочку под стать мамаше.

«Вот так сами себе могилу рою», – усмехнулся Александр Евгеньевич, аккуратно отъезжая с парковки около кафе. Чистый, ухоженный «Вольво», простой снаружи и благородный внутри, без вычурности и каких-то пошлых выкрутасов, идеально соответствовал такому человеку, как Александр Евгеньевич. За все сорок лет своей жизни он ни разу не сделал ничего такого, за что ему было бы стыдно или что вызывало бы запоздалые сожаления. Он всегда старался поступать правильно, и в основном это ему удавалось. Так почему же опять жизнь заставляет его идти на сделки с совестью! Почему же все у нас так? Через одно место. Поганая страна, поганая система.

«Ладно, обиды в сторону. Если Пашка сам не перезвонит, придется звонить ей». Хотя от мысли, что придется общаться с Павловой женушкой, его выворачивало наизнанку. От разговоров с ней он всегда сваливался в очень-очень сильный негатив.

Утверждение 3

Родители, как более взрослые люди, должны устраивать семейную жизнь своих детей (___баллов)

– Слушай, сколько можно уже ехать? Ты на верблюде, что ли, добираешься? – иронизировала Ника от нечего делать. Ей было скучно сидеть и ждать, когда уже Маринка продерется сквозь московские пробки.

– На осле, – ответила Марина, косясь на водителя маршрутки. Она говорила вроде бы не слишком громко, но кто знает. Может быть, услышит. Хотелось бы. Этот джигит был на сто процентов убежден, что везет именно дрова.

– Понятно. И что? Когда будешь? У нас уже скоро все прогорит. И вообще, мы скоро с Лидкой так напьемся, что в баню идти будем не в состоянии, – веселилась Ника. – Застанешь наши пьяные трупы, замотанные в простыню.

– Новорига стоит, как Фудзияма, – вздохнула Марина. А что еще можно сказать про то, что тут творится в пятницу, особенно когда впереди ожидаются чудесные сентябрьские выходные, бархатные и теплые, с ласковым солнышком. Кто знает, когда потом еще удастся выбраться из мегаполиса, в котором серость, тусклость чуть ли не девять месяцев в году. Сентябрь для всех стал последним шансом, и московский народ стоически переносил пробки в мечте о глотке свежего воздуха.

– Нет, все-таки плохо, что ты живешь в городе, – заметила Ника так, словно это было Марининым решением – жить в городе или не жить.

– Да уж, плохо. Ладно, девчонки, может, вы начнете без меня? – без энтузиазма предложила Марина. – Этот стояк пока падать не собирается. – И с тоской посмотрела на пылящий впереди «КамАЗ». Она уже жалела, что вообще поехала. Как будто не знала, что поездка к Нике на общественном транспорте – настоящая пытка. Марина бы сейчас с гораздо большим интересом оказалась дома, в своей собственной уютной маленькой квартирке на Таганке, могла бы посидеть и посмотреть телевизор. Просто щелкать каналами без разбору, глядя на то, что зацепит внимание. Какой-нибудь дешевый сериал с плоским юмором и плоской жизнью, из которой заботливо вырезаны все страдания, страхи и сложности. Розовый пряничный мир.

– Ну, может, и начнем, если ты не появишься хоть через полчаса. Есть шанс? – спросила Ника, нимало не заботясь о том, что Марина ради этой встречи пропилила полгорода. Ника относилась к жизни по-простому, исходя исключительно из своей личной выгоды, но не утруждая себя анализом мотивов собственных поступков. Марина нужна была ей для компании, если бы подруг можно было заказывать по Интернету, возможно, Ника предпочла бы этот вариант. Но пока технология еще не шагнула так далеко, Ника снисходительно ждала.

– Шансов почти нет, но я буду стараться. Пойду пешком, – съязвила Марина. В конце концов, эта крашенная идиотка не понимает, что тут от Марины ничего не зависит? Крашенная идиотка не желала ничего понимать.

– Я оставляю ворота открытыми. Ты проходи тогда сама, а мы пошли. В крайнем случае мы потом тебе подкинем полешек, – «успокоила» она Марину и окончила разговор. Вот вам и «девичник» в потной маршрутке. Эти сытые козы даже не понимают, каково это – жить в Москве, жариться в транспорте, заталкивать себя в поезд, полные заразных людей. Они сидят в своих огороженных, офлажкованных и охраняемых домах и совершенно не представляют, что это такое – настоящая жизнь. Воистину у них там, за высокими заборами, совершенно другой мир. Солярии, массажи, маникюры. Марина бы и не согласилась с ними якшаться, но...

эти две клушки могли что-то знать о нем. Как он живет, что он делает, что говорит, думает ли о ней, о Марине? И если да, то говорил ли что-то? Или, не дай бог, у него кто-то появился. Марине было необходимо знать все – каждую деталь, каждый жест, каждое слово мужчины, ради которого она была готова на все.

– Скоро мы поедem? – раздался громкий, весьма недовольный голос с заднего сиденья.

Марина, сидевшая впереди, рядом с водителем, оглянулась и увидела, что голос принадлежит толстому кабанчику с красным лицом. Наверно, у него давление зашкаливало сидеть тут на жаре, но при этом он продолжал пить пиво, периодически капая пену на безразмерную клетчатую рубашку сомнительной расцветки. Марина сглотнула и отвернулась. Может быть, действительно следует уже забыть про страх и выучиться водить машину? Да, будешь точно так же стоять, но, по крайней мере, никто не будет потеть рядом с тобой и капать пиво. Бр-р-р-р! Но Марина точно знала, что машину ей покупать нельзя. Ведь тогда она лишится очень важного момента, условия. Сейчас она в любой момент могла позвонить своему бывшему мужу и сказать:

– Ты не занят завтра вечером? Не мог бы мне помочь ткани купить, а то я не дотащу сама на автобусе.

– Да, конечно, Мариш. Помогу, конечно, – обязательно отвечал он. И этот шанс, эта возможность были, безусловно, очень важны в ее стратегическом плане по их будущему. Совместному будущему. Их развод был не более чем ошибкой, она это понимает, он тоже это понимает, поэтому и ездит, поэтому и звонит, и в театры водит, и даже на лыжах кататься. Разве это развод? Просто... бывшему мужу надо больше времени, чтобы убедиться в том ясном и неоспоримом факте, что Марина для него – идеальный вариант. Лучше ее никого нет. А когда он поймет...

– Поехали, кажись. Стукнулись козлы какие-то, – добродушно, без тени негатива подметил водила маршрутки, пытаясь таким образом снять напряжение сидящих вокруг граждан. Марина вздрогнула и пришла в себя. Через десять минут Марина была на месте – в элитном подмосковном поселке «Французские озера», радующем своих обитателей райской тишиной, экологическими условиями и городскими удобствами. Не бесплатно, конечно, а за хорошие деньги возникала иллюзия, что вокруг поистине райский мир и покой. Впрочем, и тут не без идиотизма. Во-первых, почему вполне простые и ни к чему не обязывающие безымянные пруды, заключенные в периметр поселка, в одночасье стали французскими, да еще и озерами, никто не знал. Видимо, название, как и экстерьер, стали следствием весьма странных представлений о звучности, красоте и стиле со стороны создателей этого элитного поселка.

Взять хоть, к примеру, КПП. Проходная в поселке всегда напоминала Марине входной шлюз на секретном заводе или даже вход в местах лишения свободы, проще говоря, на зоне, где многие, без сомнений, из здешнего люда бывали. Кто-то работал, кто-то сидел. Но бывали многие. И теперь тут строители рая капиталистического пошиба воспроизводили лучшее из того мира, к которому привыкли.

Безопасность прежде всего – тут на ней были помещены все. КПП, ворота, автоматчики с лицами, соответствующими зарплатам. Не подходи – убьет. Заборы вокруг поселка – три метра в три кирпича, пушкой не проломишь. Строили так, словно были уверены, что будут пытаться. Кроме того, колючая проволока. Сходство с родными северными краями идеальное. Когда Марина с мужем были здесь впервые, муж, пройдя по улицам поселка, с насмешкой сказал брату:

– Да, Паш, впечатляет. Только знаешь, чего-то не хватает. Не пойму никак, чего. А, нет – понял. Будок сторожевых по периметру, с автоматчиками. И еще, а тебе не хочется тут, когда гуляешь мимо этих французских луж, руки за спину заложить?

– Мне – нет, – смеялся Павел. – У меня такой привычки пока нет. Но ты знаешь, у Степанова такие позывы, думаю, бывают.

– О! – только и сказал Саша, услышав это.

Да, его брата трудно чем-то смутить. Его брат – бандит, ничего не боится. Никакого царя в голове! Доиграется когда-нибудь. Ладно, не в брате дело, подумала Марина, подходя к приоткрытым воротам Никиного дома.

– Ну, неужели! – воскликнула Ника, увидев уставшую Марину, пересекающую газон. – Случилось чудо? Ты поймала вертолет? А мы тебя уже и не ждали.

– Это заметно, – усмехнулась Марина, глядя, как Нику уже немножечко пошатывает. Они с Лидкой сидели во дворе, на солнышке, в шезлонгах, томные, распаренные.

– А что такого? – притворно возмутилась та. – Чутьочку дринкнули, с кем не бывает. Сейчас и тебе нальем. Водочки?

– Ой, что-то я так прямо сразу не готова на водочку. Нет чего-то послабее?

– Дохляк ты, Маришка! – фыркнула Ника, вставая. – Господи, и пары минут не дадут полежать, обязательно заставят куда-то переться. Эх, жизнь моя – жестянка. Ну что, вина тебе, что ли?

– Вино, только вино! – вставила Лидка голосом Светличной. – А мне принеси-ка плюшку. Я сейчас пьяная, а пьяные калорий не ведают.

– Все худеешь? – спросила Марина, глядя на и без того тощую, нервную Лиду.

– А куда деваться. Может, если я стану на Кошечку похожа, мне муж денег даст побольше? Чтобы я отъелась. Никеша, плюшек носи побольше! – Лидка без стеснения перемотала на себе простыню, демонстрируя всему огороженному элитному миру (кто вздумал бы подглядывать в этот момент за еще один забор) свои ухоженные, загорелые, тренированные бока. Лидия была с виду совершенно классической жительницей «Французских озер»: высокая, тощая, загорелая до уровня прожарки «Extrabold»² блондинка (если смотреть сразу после парикмахерской, то без темных корней) с хорошим маникюром и массой разговоров вокруг того, как трудно найти хорошего массажиста. Иногда у Марины создавалось впечатление, что Лидия (и такие, как Лидия) живет, воспринимая реальную Россию, как некую прослойку, абстрактное наполнение между поселком «Французские озера» и торговым центром «Европарк», в который она ездила спасаться от скуки.

– Жрать вредно, – мрачно напомнила Ника и плюхнула на стол блюдо с булочками. Булочки были тоже французскими (видимо, чтобы соответствовать месту своего употребления), покрытыми легким прозрачным желе с клубничками. Марина сглотнула. Она тоже пыталась худеть, но далеко не так успешно, как Лидия, поэтому вид булочек деморализовал ее окончательно. Красивая жизнь – мечта, которую так трудно ухватить за хвост.

– Ваше вино, мисс. Как там реальный мир? – спросила Лидка, протягивая бокал. – А то мы тут со Степановой совсем одичали, сидим в своем лесу, как дикие звери. Да, Степанова? – Она ткнула стоящую рядом Нику в бок. – Скоро завоем тут с ней, веришь?

– А то нет! – усмехнулась Марина. – Конечно, верю.

– Ладно, шутки в сторону, – посерьезнела Ника. Ты давай выпей – и в баню. А то мы уже хо-о-рошенькие, а ты ни в одном глазу. Приводи себя в эквивалентное нам состояние. Ну, ноги в руки! Потом будете тренировать любимую мышцу.

– Ты о чем? – удивилась Лидка.

– Как о чем? – вытаращилась Ника. – О языке, конечно. Или ты, дорогая, не знаешь, что язык – это тоже мышца?

– Тогда я готова тренироваться вечно! – крикнула Марина, открывая дверь в баню. Вообще-то она не очень любила баню, у нее после парной частенько начиналась сильнейшая мигрень. Но если уж тебя пригласили именно попариться – придется париться. Марина потихоньку переделалась, сполоснулась под душем, с наслаждением подставив лицо теплым струям,

² Extrabold – очень сильная, дерзкая (англ.).

вспомнила, как однажды они с Сашей здесь, в этой самой степановской бане, занимались любовью. Сколько лет прошло? Пять? Около того. Тогда, кажется, только появилась эта новая Степанова. От воспоминаний Марину и без жара парной бросило в жар. Хорошо еще, что дрова действительно давно прогорели, а эти две клуши так и забыли подложить новых для Марины. В парной было уже не так уж и жарко.

Когда Марина вышла, уже начинало вечереть. Солнце еще стояло высоко, его было видно из-за стены большого степановского дома, но оно уже не так жарило, в воздухе появилась сентябрьская прохлада, сырая, зябкая. Девчонки все еще торчали на улице, но на простыни накупили куртки. Осенью перепады температур значительные, легко простудиться, подумала Марина.

– Надо бы перебираться в дом, – словно услышав ее мысли, сказала Ника. – Как баня, не совсем остыла?

– В самый раз. Ты знаешь, я не особенно люблю огонь.

– А мы с Лидкой – огнеупорные девушки, да? – усмехнулась Ника. – Так, стой, Лидка. Давай хватай чашки и тарелки. Я прислугу отпустила, так что сама, сама, сама. Как мой муж любит говорить.

– И мой, – засмеялась Лида. И на их лицах появилось то самое выражение, которое бывает у молодых замужних женщин, жизнь которых полна плотской любви. Они были любимы, их тела были любимы, и дамы не стеснялись демонстрировать это в открытую, всю наслаждаясь этим показом.

Марина залпом допила бокал, схватила пару тарелок и побежала в дом, чтобы ни в коем случае не показать своей слабости, своей грусти. Ника и Лидия, кажется, до сих пор в какой-то степени воспринимали Марину как одну из них, как жену брата Лидкиного мужа, хоть и временно имеющую с мужем определенные проблемы. Да-да, именно так: не находящуюся в разводе, который хоть и был, но считался чем-то вроде не очень удачной Сашиной шутки, а имеющую проблемы. У всех в семье бывают сложности, что ж теперь поделаешь. Все под богом ходим. Все наладится. И Марина делала возможное и невозможное, чтобы имидж замужней женщины сохранять. Хотя бы здесь, в «озерах».

– Так, девочки, что будем смотреть? Мы поставили новый домашний кинотеатр – это что-то. Но на нем надо смотреть только Blu-Ray Disk³, это совершенно новый формат. Звук такой, что просто подсакиваешь. Только что же нам посмотреть?

– Может, чайку попьем? – робко встала Марина. Она не затем сюда перлась, чтобы торчать у экрана, а потом аплодировать очередному бездарному приобретению Степанова. Ей надо было поговорить. О Саше, конечно. – Слушай, а ничего, что мы тут сидим полуголые. Степанов не придет сейчас? Как у него дела, кстати.

– Ой, какие у Степанова дела? – отмахнулась Ника, поддавшись, однако, на Маринину уловку и перескочив с темы кинотеатра на обсуждение мужчин. – Дела еще не завели, как говорится. Так что крутится, вертится. Сейчас собирается, кажется, какой-то ГОК⁴ сливать. Ой, что бы я еще в этом понимала. Осознаю только, что времена все тяжелей, а денег мне дается все меньше. А сейчас Степанов где-то пьяный шатается, даже к телефону не подходит, подлец. Но если он застанет нас голыми, он будет только рад, поверь.

– Это понятно, – усмехнулась Маринка. – А как вообще дела?

– Сашку твоего тут недавно видела, – подлила информации Лидка, прикорнувшая на диване.

³ Blu-Ray Disk (от англ. Blue ray – синий луч, disk – диск) – формат оптического носителя для видео высокой четкости, распространенный лишь в 2008 году.

⁴ ГОК – аббревиатура: горно-обогатительный комбинат.

– Да ты что? И как он, кстати? Чего подделывает? – с усилием сдерживая эмоции, спросила Марина.

– Говорил, какие-то у него проблемы с салоном.

– Да? – нахмурилась Марина. Ей он ничего подобного не говорил, хотя она разговаривала с ним пару дней назад. Звонила спросить, какой нынче курс валют. Проговорили почти час, но ни слова о проблемах.

– Заезжал к Пашке на днях, они о чем-то там спорили. Чуть не поубивали друг друга. Ну, ты знаешь, как это у них бывает.

– Почему они так не выносят друг друга? – взмахнула руками Ника. – Ведь между ними такая разница.

– Ты о возрасте? Или о социальном статусе? – переспросила Марина. – Потому что это имеет значение. Ты знаешь, что Сашка всю жизнь опекал Пашу. И он никак не может пережить, что тот все делает наперекор.

– А Пашка всегда все делает наперекор. У него все всегда по-своему, – сказала Лида, наливая в свой бокал водки. Рюмки они все-таки забыли на улице, а идти куда-то было лень. – И мне в нем это нравится.

– Это верно, – кивнула Марина, не желая вдаваться в спор. То, как живет Павел (да и Лида, если быть честной), Марина считала глубоко аморальным. А Саша был порядочным человеком, имел какие-то моральные устои, границы. Павел же всегда считал себя умнее всех. Но сейчас дело было не в том, нравится Марине что-то или нет. Павел был Сашиним братом, и с этим приходилось считаться.

– А Сашка – дурак, потому что упустил тебя, – добавила Ника, добавила только потому, что знала, как сильно Марина хочет это услышать. – Ты знаешь, он, когда был у нас, долго стоял и смотрел на нашу фотографию. Помнишь, где мы в Австрии? Все вместе. Мне кажется, он по тебе скучает.

– Может быть, мы еще помиримся, – опустила глаза Марина. – Я готова его простить. Мне кажется, ему просто нужно время.

– Ему нужно поменьше херней страдать, – фыркнула Лида. – И тебе тоже. Нашла бы себе другого.

– Я его люблю, и я знаю, что ему нужна! – возмутилась Марина. Лида всегда такая – никакого в ней такта. Ведь что она знает о них с Сашей, о том, как он звонит ей, как они часами разговаривают, как он приезжает в любой час, только чтобы ей помочь. Это все не просто так, он просто запутался. Но Лидке этого не понять, в ее мире все просто. Еще бы, живет с бандитом. Впрочем, об этом здесь ни слова. Они обе – жены уважаемых бизнесменов, так сказать.

– Ладно, пусть мальчишки сами разбираются, – примирительно сказала Ника, поднимая бокал. – Давайте лучше выпьем за нас, таких молодых и красивых. Чтобы у нас все было, да, девочки? Кроме возраста.

– О, за это я выпью, – кивнула Лидка.

– За нас, – повторила Маринка и уже отпила глоток, как зазвонил телефон. Не ее, хозяйский. Он зазвонил далеко, еле слышно, в каких-то других комнатах. Дом был хороший, большой. Комнат хватало.

– Кому не спится в ночь глухую? – возмутилась Ника, отставляя невыпитый бокал. – Не хочу никого слышать. Мне и так хорошо.

– Ладно, возьми, – замотала головой Лида. – А то они так и будут звенеть.

– Сейчас приду. Кто придумал эти телефоны, вроде бы созданы для удобства, а на деле – поводки. Честное слово, я с этими мобильниками себя как на поводке ощущаю. Хочется залаять даже. – Ника говорила по ходу движения, удаляясь в глубь дома. И голос удалялся вместе с ней. Через несколько секунд из дальней комнаты еле слышно донеслось ее «алло».

Потом была тишина. Тишина длилась несколько минут. Внезапно тишина стала нарастать, и обе они, оставшиеся в гостиной, и Марина, и Лида, почувствовали какую-то тревогу. Тишина давила как-то слишком сильно.

– Степанова, ты там где? – крикнула Лида и, не получив никакого ответа, резко поднялась с дивана и поправила простыню.

– Пойдем? – спросила Марина, посмотрев в нерешительности в сторону коридора.

– Ника! – крикнула еще раз Лида и пошла вперед.

Ника сидела на диване в кабинете, держа в руках мобильный телефон, и смотрела прямо перед собой. Простыня съехала, и из-под нее выпала одна грудь, но Ника не обращала на это никакого внимания. Ее губы беззвучно шевелились.

– Что случилось? – прошептала Марина, но Ника ее даже не заметила.

– Да что с тобой? – крикнула Лида и толкнула Нику в плечо.

– А? – вздрогнула та. – Девчонки, мне только что позвонили... Степанов... Они сказали, Степанова нужно опознать. Что он... умер? Что это значит? Не понимаю.

Утверждение 4

Я иногда преувеличиваю свою роль в каких-либо событиях (_____баллов)

Те чувства, которые испытала Ника, когда услышала равнодушный мужской голос в трубке своего телефона, смело можно было назвать смешанными. Конечно же, прежде всего другого это был шок. В первый момент она вообще не поняла, о чем идет речь. Степанов умер? Это какая-то глупость. Не может быть, чтобы Степанов умер, это ведь означает, что его больше нет. Не существует? Но Степанов был всегда, кто угодно другой мог исчезнуть, но Степанов? Мир перестал вертеться? Ника прожила с мужем больше пяти лет, пересекла двадцатипяти-летний рубеж, плакала из-за любовниц, не очень-то скрывавшихся от жены, прикрытых степановским авторитетом. Тратила деньги, стараясь убедить себя в собственном успехе. Такие суммы бывают только у счастливых людей. Степанов был в этом мире главным. И то, что его может просто не быть, – казалось невозможным, было даже больше, чем шок.

Второе чувство, куда более острое, охватившее Нику, заставившее хватать воздух ртом и безмолвно таращить красивые серые глаза – был страх. Страх не был порожден самой по себе смертью Степанова, хотя тот факт, что люди умирают, что люди смертны – все люди, даже очень богатые и сильные, – этот факт, безусловно, тоже пугал. Но Нику охватил панический ужас, не имеющий никакого логического объяснения. Ей вдруг показалось, что эта степановская смерть, нереальная и в то же время все-таки произошедшая в реальности, теперь неумолимым образом разрушит и ее саму, Нику. Развалит, сорвет с плеч красивые одежды, вырвет из ушей серьги с бриллиантами, вымажет в грязи и выкинет обратно, на обочину жизни, в деревню Рогожкино Тамбовской области, с ее ошеломительными просторами и сказочными, никому не нужными красотами, на завалинку, с которой Ника пыталась выбраться с самой школьной скамьи, маниакально, не пожалев ни своего юного тела, ни своей бессмертной души.

Именно оттуда железная рука Степанова перенесла когда-то юную красотку Веронику в поднебесный мир больших денег, сначала по тамбовским, а потом и по московским меркам. Именно туда Степанова боялась вернуться из «Французских озер». И смерть мужа породила целый рой страшных мыслей в Никиной голове, объединить которые можно было бы несколькими словами: «Что же теперь будет?!» Именно в этом состоянии ее и застали Лика и Марина, подруги, с которыми не согласишься, однако, такие глупые мысли. Статус не позволяет, надо держать лицо. Однако держать его было сложно, выпитое мешало, да еще и эта простыня. Трудно соответствовать моменту в таком виде. От холода Нику била мелкая дрожь.

– Что случилось? – затараторили наперебой подруги.

– Они... они... – бормотала Ника, озираясь. – Звонили из морга.

– Из морга? – Марина ахнула и закрыла рот рукой. Потом она бросилась к Нике и обняла ее, как настоящая подруга, прижала к своему плечу, и они совместно зарыдали. Марина, правда, всхлипывала сухую, без слез. Ее муж Саша (ладно, бывший муж Саша!) сейчас был на работе, занимался делами, спасал от разорения свою парикмахерскую, которую он всегда гордо именовал салоном. И он был жив-здоров. Эта мысль согревала и заставляла прижимать к себе Нику еще сильнее.

– Но почему? Почему он умер? – поинтересовалась Лида, отойдя к окну, и этот вопрос был, без сомнений, как более правильным, так и более интересным.

– Не знаю, – растерянно развела руками Ника, на секунду очнувшись.

– Убили? – предположила Лида. – Конкуренты?

– Что ты такое говоришь? – воскликнула Ника, вырвавшись из Марининых цепких объятий. Марина дернулась и вытаращилась на Лиду. Действительно, как она могла? За такие предположения могут и в самом деле убить. Ведь Лида говорит не о ком-то там, она это говорит о Степанове и кому – степановской жене! То есть вдове.

– Я просто уточняю детали. Ведь это важно – ты же тоже можешь быть в опасности. И я тоже, – спокойно возразила Лида, продолжая смотреть в окно. Ника вздохнула, потом как-то обмякла, осела обратно в Маринкины объятия и кивнула.

– Нет, девочки, это не то. Они сказали – авария.

– И что? Авария тоже может быть подстроена, – упиралась Лида. – Надо немедленно узнать, что именно произошло. И что делать дальше.

– А разве дальше надо что-то делать? – пробормотала Ника и автоматическим жестом поправила волосы.

– Конечно, надо. Обязательно надо что-то делать. Хотя бы для начала одеться, – сказала Лида и повернулась к девочкам.

Маринино лицо было печальным, вид – подавленным, совершенно уместным и правильным в этих обстоятельствах. Ника, заплаканная, бледная от ужаса, со слипшимися волосами, уже не казалась такой ухоженной, такой красивой и благополучной, и это тоже соответствовало моменту. Лида же, напротив, оставалась спокойна. Это было странно, и в другой раз кто-то другой обязательно бы отметил это весьма странное в подобных обстоятельствах спокойствие. Но Марина была слишком занята проявлением сочувствия, а Ника не была наблюдательна от природы.

Кроме того, с Никой приключился казус – из-под жуткого и даже панического страха и мыслей «что же теперь будет» вдруг вылезла другая, коротенькая, ясная и очень простая мысль. Свободна. И эта мысль против воли поворачивала все остальные Никины чувства вспять. Женщина все еще вздрагивала и тряслась в руках Марины, но вдруг вспомнила, каким властным, категоричным и грубым был ее муж. Сколько Ника жила с ним, столько и боялась, и его смерть, при всем ужасе, означала, что бояться больше не надо. Как странно, он был уверен, что Ника никогда и никуда не денется от него, а теперь он мертв. Представить его мертвым, на холодном столе в морге она никак не могла. Такие не тонут.

– Ладно. Надо им позвонить. Узнать все поподробнее, – деловито засуетилась Лида, стараясь избегать прямых взглядов.

– Я... я не могу, – одними губами прошептала Ника и уткнулась в Маринино плечо. Главная новость, заключающаяся не в ее страхах и уж тем более не в ее свободе, а в том факте, что кто-то умер, видимо, все-таки достигла границ ее разума, она опустила лицо в ладони и принялась раскачиваться, тихонько подвывая. «Как же так, как же так, как же так?»

– Может, тебе принести попить? Тебе надо успокоиться. Ты должна попытаться успокоиться, – захлопотала Марина. Сейчас Нику было очень жалко, она была очень-очень несчастной, в этой дурацкой простыне, с грудью.

– Я позвоню сама, – заявила Лида после некоторого раздумья. – Наверное, номер морга в телефоне определился?

– Я не знаю, – испугалась Ника. – Вдруг нет? Как тогда?

– Сейчас проверим, – задумчиво потерла виски Лида и натянула платье на загорелое тело. Марина против воли засмотрелась на нее. Лидка все-таки красивая, стерва. Высокая, стройная, ухоженная. Интересно, она вшивала себе какие-нибудь золотые нити? Очень может быть, иначе как так – тридцать лет с гаком, а ни одной морщины, даже складочки. Роза. За деньги можно все. И наверняка регулярно делает все эти чистки, маски, массажи. Такая уж у нее работа. Работа телом.

– Аллю! Это морг? Секундочку, плохо слышно. – Лида говорила очень громко.

– Да, это морг, – ответил ей чей-то сухой равнодушный голос.

– Вы нам звонили, что у вас там муж... находится, – с трудом объяснилась она. А как вообще об этом спрашивать, ситуация-то совершенно невозможная. Так и спросить – у вас наш труп или нет?

– Фамилия, – бросил голос в ответ.

– Степанов.

– Секундочку, сейчас посмотрю, – ответил голос и отключился. Лида пальцем показала, что ей нужна ручка. Марина дернулась, огляделась вокруг себя и дала ей карандаш. Она вдруг почувствовала, что за всеми этими простыми действиями вокруг нее разворачивается самое настоящее горе. Она видела настоящее горе только раз, когда умерла бабушка. И горе это было слезное, полное светлой грусти и нежности к женщине, которая прожила восемьдесят семь лет, похоронив мужа и вырастив внуку. Бабушка умерла во сне, прожив прекрасную и справедливую жизнь. А Степанову сколько? Сколько *было*? И что действительно теперь будет с Никой?

– Алло, Степанова? – снова появился голос в телефоне. Для удобства Лида переключила телефон на громкую связь.

– Нет-нет, что вы. Это не я.

– А вы кто? – удивился голос.

– Я – никто. Подруга.

– Ладно, – после секундной задержки согласился голос. – Ваш Степанов у нас.

– И что теперь? – растерялась Лида.

– Подъезжайте, – равнодушно бросил голос. – Завтра после восьми с паспортом.

– Зачем?

– На опознание. Сегодня мы уже закрыты.

– Опознание? Зачем? – опешила Лида, а Ника побледнела и почувствовала, что ей буквально физически становится очень-очень плохо.

– Тело идентифицировали по водительскому удостоверению. Все равно после аварии надо проводить опознание. Девушка, приезжайте. Я занят, – раздраженно прошелестел голос, но Лида вцепилась в собеседника на другом конце провода мертвой хваткой. Слово «авария» снова породило массу вопросов.

– Простите. Мы ничего не знаем. Что случилось? Поймите, мы же ужасно нервничаем. Как это произошло?

– Не знаю. Надо смотреть протокол. Вам потом в милиции все расскажут.

– Но это был несчастный случай?

– Ладно, – вздохнул голос. – Сейчас узнаю.

– Спасибо, – тепло ответила Лида и, пока было тихо в трубке, повернулась к Нике и спросила: – Где его паспорт?

– Я не знаю, – замотала головой Ника и снова принялась рыдать. Лида дернула плечами и вернулась к разговору.

– Да, несчастный случай. Вы не жена? – на всякий случай уточнил голос.

Лида повернулась, посмотрела на Нику и переключилась обратно на тихую связь.

– Я не жена. Что случилось?

– Степанов ваш был сильно пьян, – ответил он, понижая голос.

Лида отвернулась от Ники и тихо переспросила:

– Насколько сильно?

– Выше крыши. В зюзю. Никакой. Так что все понятно. Они гнали почти двести километров на МКАДе. Они задели грузовик, грузовик перевернулся, их отбросило на отбойник⁵, покрутило. Такая скорость, понимаете. Они ударились о столб, он умер от удара. Мгновенно. Мне очень жаль.

⁵ *Отбойник* – дорожно-транспортный барьер, предотвращающий непреднамеренный съезд с полотна дороги.

– Спасибо, – грустно кивнула Лида, подумав про себя, что, по крайней мере, это все объясняет. И это означает, что никто не пытался Степанова убить. Уже хорошо. Умер, потому что напился и погнал по дороге. Это лучше, чем если бы его «заказали». Значит, все не так уж плохо. Он просто мертв, просто случился несчастный случай, и Степанов умер. А то, что Степанов умер, – в этом Лида не видела ничего плохого. Скорее наоборот.

– Не за что. Приезжайте, – устало ответил голос.

– Что с собой иметь? – спросила Лида и старательно записала все карандашом. Она договаривалась о месте, времени, заказала пропуск. Марина с удивлением смотрела на то, как спокойна и деловита она была. На Маринин взгляд, Лида должна была бы точно так же сидеть и причитать, воздевая руки к небу и накачиваясь водкой или снотворным, чтобы как-то «пережить» весь этот кошмар. Они же с Никой настоящие женщины, слабенькие, как пушинки, а это было не женское дело – договариваться в морге. А у Лиды это прекрасно получается.

Подруга повесила трубку и обернулась, заранее надев на лицо соответствующее выражение – понимания, сочувствия, мужества.

– Что? – сощурилась Ника.

– Авария. Они были на большой скорости. Мне очень жаль. По крайней мере, он не мучился, – уже от себя добавила Лида, вспомнив эту фразу откуда-то.

– Спасибо, – кивнула Ника, уронив лицо в ладони. – Спасибо за все.

– Не за что.

– Мне надо выпить, – глухо пробормотала Ника. – Марин, принесешь мне из кухни бутылку бренди?

– Конечно, – кивнула Марина и выполнила эту уместную, в общем-то, просьбу. Она и сама была не прочь выпить.

– Ты останешься на ночь? – спросила Лида у Маринки.

– Не знаю. А ты справишься сама? Ника же никакая, – спросила Марина, посмотрев на Нику. Та сидела в простыне, держа в руках бутылку бренди. Марина вздохнула и подумала, что, пожалуй, надо все-таки остаться. Нехорошо будет уехать, хотя, признаться, от всего происшедшего Марина внезапно почувствовала себя ужасно усталой. Ей хотелось забраться под одеяло, позвонить Саше, услышать его спокойный, рассудительный голос, услышать, что Степанова, конечно, жаль, но он сам виноват, доигрался. Никин муж часто выпивал и нередко ездил пьяным. Это не было событием из ряда вон. Потому что какой же пьяный не любит быстрой езды! Да еще на хорошем представительском BMW. Доигрался.

– Поезжай, – отмахнулась Лида. – Мы справимся.

– Не уверена, – замотала головой Марина, хотя уехать хотелось страшно. Она не хотела себе признаваться, но уже вообще жалела, что приехала. Выходные насмарку.

– Давай езжай домой. Ты тут ни при чем. Я сейчас все равно буду Пашку ждать, нам надо будет похороны организовывать. Мне от этого же все равно не отвертеться. А Нику я сейчас спать уложу.

– Ладно, я остаюсь, – решила Марина. – Мы же не чужие люди.

– Да уж, – горько усмехнулась Лида. Как же Маринке хочется быть тут своей. А тут даже ее бывший муж Саша не свой. И слава богу, и не нужно это ему. Тут все были одним миром мазаны, не лучшим миром. А Маринка просто крутится, чтобы Сашку вернуть. Ну, если ей охота – пожалуйста. Будь Лидка на ее месте, она бы уехала. Ни Степанов, ни его жена ей даром не нужны. Но Павел был правой степановской рукой, заместителем или, вернее, поделником. Уже много лет он был мозговым центром сложного и разветвленного дерева степановского бизнеса – части крупного рейдерского бизнеса, о котором Лида знала мало, а больше знать и не хотела. Лучше меньше, да лучше. Но раз Степанов умер, они с Пашей тут по локти завязнут, по-любому.

– Мне ее уложить? – с готовностью спросила Марина.

Лида устало кивнула:

– Уложи, а я пока Пашку найду. Пашка вот, скотина, не берет трубку. Он лучше знает, что в таких случаях делать, у него больше опыта.

– Что ты имеешь в виду? – возникла из алкогольного «небытия» Ника.

– Я про похороны. Они же хоронили народ пачками, знают, что как. Впрочем, вы тогда еще со Степановым не поженились, – устало отмахнулась Лида.

– Лида, перестань! – зашипела на нее Марина, косясь на совершенно побелевшую от этих слов Нику.

– Ладно, чего там. Пойдите пока паспорт его найдите. А то потом, утром, не до того будет, – отмахнулась Лида.

– Ты же его ненавидишь, да?! – вдруг с удивлением проговорила Ника, сверля взглядом Лиду.

– Кого? – переспросила Лидия. Впрочем, это было ясно и без ответа – Степанова. Да, Лида Степанова ненавидела. Странно, что Ника этого не замечала. Хотя, а что вообще Ника замечала, кроме платьев от-кутю? Лида взгляда не отвела. Тогда Ника поднялась с дивана и хотела было гордо удалиться вдаль, но, не удержавшись на пьяных ногах, упала на ковер. Китайский, шелковый. Немереных денег стоил, естественно.

– Успокойся, истеричка, – фыркнула Лида. – Никого я не ненавижу.

– Ты стерва! – крикнула Ника, сидя на ковре. Бренди явно было лишним.

– Я стерва, да. А у тебя истерика, – примирительно буркнула Лида, протягивая Нике руку. – Марин, я же просила ее увести. Ты паспорт нашла? Ладно, поищу сама.

– Стерва, – всхлипнула Ника, но уцепилась за руку и пошла за Лидой в кабинет и там огромным усилием воли заставила себя сосредоточиться, чтобы перебрать содержимое степановских полок. Он всегда категорически запрещал передвигать хоть что-то на своем столе, категорически. Однажды он решил, что Ника заходила и без спросу рылась в его бумагах, так он чуть не убил ее. В прямом смысле этого слова, а не в каком-то там переносном. Он выкрутил ей руку и орал: «Ты мне все скажешь, сука, все скажешь!» А потом оказалось, что он какой-то договор сам в офисе забыл. У Ники после того случая на руке, примерно в том месте, где был синяк, теперь браслет с бриллиантами. А теперь Степанову все равно, кто будет рыться в его бумагах. Но Ника вдруг испугалась и с трудом заставляла себя выдвигать ящики и смотреть их содержимое.

– Может, он паспорт в сейфе хранил? – предположила невозмутимая Лида.

– Почему ты его ненавидишь? – спросила Ника сквозь слезы, сощурившись. – Тебе его нисколько не жаль, да?

– Нет, ну что ты, – заверила ее та, но таким голосом, что доверия сказанное не вызывало. – Конечно, жаль. Очень жаль. Просто я... такая уж есть. В экстремальных ситуациях веду себя неадекватно. Потому что сейчас надо же кому-то все это как-то привести в порядок.

– Ничего уже нельзя привести в порядок, – вздохнула Ника и опустилась на стул.

– Вот паспорт, – ответила Лида, проигнорировав ее последние слова. Они устало переглянулись, понимая, что ругаться в этот момент просто невозможно, ни у кого нет на это никаких сил. – А сейчас тебе надо поспать.

– Да, ты права, – покорно кивнула Ника, идя за Лидой, как коровка на веревке. – Нет, но это все же такой кошмар. И почему они не могли быть аккуратнее!

– Не знаю, почему. Потому что они много пьют, – автоматически ответила Лида. И вдруг она остановилась на ходу. Нет, не просто остановилась, застыла, замерла, остолбенела так, что Ника уткнулась в нее со всего размаху.

– Ты что? – вскрикнула она, потеряв ушибленный нос.

– Ты сказала – «они».

– Я сказала? Ничего я не сказала, – замотала головой Ника.

– И он сказал – «они»! Почему он сказал «они»? – спросила Лида и вдруг побледнела. Она бросила Нику, побежала обратно в гостиную, схватила телефон, набрала номер морга и, едва услышав тот же самый сухой усталый голос, спросила, почти крича:

– А почему вы все время говорите «они»?

– Что? – удивился он. – Вы кто?

– Я та, которая не жена Степанова. Вы сказали, они были пьяны, они гнали. Что значит – они?

– Ну, он же не один был, – невозмутимо добавил он. – С ним кто-то еще был, я думал, вам сказали.

– Кто? – еле выдохнула Лидия, моментально покрывшись холодным потом. – Кто с ним был?

– Я не знаю, кто. Они не установили личность.

– Он там, у вас? – в панике спросила Лидия, чувствуя, что сейчас завизжит от страха. – Он в морге?

– Нет. Нет, конечно.

– Почему конечно?!

– Он же не умер. Его в больницу увезли, – добавил сотрудник морга как ни в чем не бывало. А чего ему смущаться, он-то тут при чем? У него смена закончится, он поедет домой, к жене, в Бибирево. На метро. А эти родственники почивших – с ними всегда так. Одни сплошные нервы.

* * *

Память работала странно, избирательно. Павел не мог вспомнить номер своего телефона, марки своей машины и вообще этой самой машины – ее цвета, модели, года выпуска, хотя отлично помнил, что раньше он все это знал назубок. И в том, что у него вообще машина была, он тоже не сомневался. Он помнил, как он сидит за рулем и переключает каналы радиостанций. Приемник свой помнил прекрасно, с царапиной около самой большой кнопки включения. А вот какие там были радиостанции, он вспомнить не мог.

Еще он не все помнил из своей жизни. Это было действительно странно – тут помню, тут не помню. Причем в том, как распределялись эти самые зоны, не было никакой логики. К примеру, он прекрасно помнил свою жену Лидию, помнил, как они еще в школе с ней целовались в закутке под чердаком, там целовались все. А вот лица своей дочери вспомнить не мог, хотя помнил, что зовут ее Маша. Машенька. Ему очень хотелось вспомнить ее лицо.

И еще эта тишина – как же она его бесила. Тишина и темнота, но тишина – особенно. Такое ощущение, что все звуки, которыми так щедро была наполнена вся его прежняя жизнь, внезапно украли. Засунули в мешок все гудки автомобилей, скрип тормозов, громкий смех, разговоры и шарканье тапок. Не осталось даже уличного гула, пения птиц. Только вчера, когда Паша выходил из своего дома, он вдруг слышал это характерное чириканье, хотя была уже осень и птицы уже большей частью молчали. А тут вдруг целая трель. Теперь было тихо.

Вчера. Теперь это слово располагалось очень-очень от Паши далеко. Оно было когда-то очень давно, в другой жизни. Или, чтобы быть точным, просто в жизни. Потому что воспринимать то странное острое сознания, на кончике которого теперь висел Паша или, вернее, все, что от него осталось, как жизнь он не мог. Ведь не умер же он, а значит, жив. Не было никаких туннелей, ни длинных, ни коротких. Никакого света в конце. Один раз, когда у Паши получилось приоткрыть глаза, он увидел бело-желтую стену и кусок окна. За окном было солнце и зеленое пятно, наверное, деревья. Или кусты. Жив, определенно. Значит, в больнице. Это подтверждали и лица. Они периодически появлялись, склонялись над Павлом, молчаливо смотрели, исчезали, появлялись снова. Видимо, врачи. Кто такие врачи, Павел помнил прекрасно.

А еще он отлично помнил тот день, это самое ВЧЕРА, которое было теперь так далеко, что определиться точно со сроками не было никакой возможности. Сначала он вышел из дома – из своего прекрасного загородного дома в прекрасном загородном поселке, где жила его совершенно благополучная семья. Лучезарная картина солнца, заливающего выстеленный красной плиточкой двор, наполняла сердце Павла теплой болью. Зачем он только ушел, сидел бы на лавочке, подставил бы лицо солнцу, зажмурился бы. Позвал бы Лидку, поиграли бы с ней в теннис. А лучше с Машенькой в бадминтон. А Лидка бы сделала холодного каркаде. А вместо этого пришлось тащиться в офис, подписывать контракт на... нет, про контракт Павел вспомнить не мог. Там были какие-то числа. А все, где есть числа, Павел почему-то вспомнить не мог. Но знал точно, что контракт был как-то связан с металлургическим заводом. Впрочем, думать о том, что это было, он и не очень-то хотел.

Сел в машину. Уехал. Лида даже не вышла его проводить, не поцеловала. Почему, кстати? Павел вспомнил их разговор за завтраком. Он вспомнил даже вкус той самой яичницы, которую Лида ему швырнула на тарелке.

– Ваш завтрак, хер Павел, – насмешливо сказала она. – В пояс поклониться?

– Что на тебя нашло? – удивился он. Периодически в последние годы на Лидку все время чего-то находит. Совсем съехала.

– Ничего. Жри свой омлет и проваливай. Меня вечером не будет.

– Я не собираюсь разговаривать с тобой в таком тоне.

– Премного благодарна, не очень-то и хотелось, – фыркнула она и ушла. Павел еще пожевал безо всякого аппетита, вскочил, прошел за Лидкой в кухню. Она стояла около окна и смотрела на отцветающий, залитый солнцем двор.

– Ну что ты? Все же хорошо, – пробубнил Павел.

– Думаешь, это все имеет какой-то смысл?

– Что все? – Он сделал вид, что не понял.

– Вот это все, вот этот газон, эти гортензии. Статуя эта идиотская. Думаешь, в этом смысл?

– Ты же знаешь, это – подарок, – вздохнул он, глядя на безрукую Венеру в своем саду. Да, Венера смотрелась пафосно, но Степанову нравилось. Он всем таких подарил. Спасибо еще, что не подарил античной беседки с колоннами и фонтаном, а ведь мог бы. Были прецеденты. И ведь не откажешь. Поставишь и будешь смотреть. Увивать плющом.

– Знаешь, как мне хочется взять кувалду и разнести этот подарок.

– Ладно, пусть постоит, а на зиму уберем, – попытался он найти здоровый компромисс. Лида повернулась к нему лицом, красивым, загорелым, хоть и утратившим юный блеск, который он так любил. Сейчас у нее глаза были тусклыми, насколько это свойство вообще возможно с карими глазами. Хоть и накрашенными какой-то дорожкой гипоаллергенной косметикой. Вокруг огня много, а в самом взгляде пустота.

– Я не думаю, что перенесу еще одну зиму здесь. Я уеду, Павлушка.

– Даже и думать не смей, – разозлился он. – Я никуда не отпущу тебя.

– А что сделаешь? Убьешь? Закажешь? На здоровье. А я уйду. Возьму Машку и уйду. Пока ты пьешь там. Приедешь домой, а нас нет. Ходи, смотри на стены, люби свой фарфор или эту коллекцию вин. А трахать можешь итальянский диван. Он податливый, – Лидка откровенно смеялась, но смеялась зло.

– Ты никуда не уйдешь. И тебе самой это известно. А если попробуешь – я тебя найду, пожалеешь, что вообще родилась. Поняла? – заорал Павел. А потом вскочил, вышел, со всех сил хлопнув парадной дверью, и ушел. Сел в эту машину, которую теперь не помнит (приемник с царапиной), еле дотерпел, пока откроются ворота, выскочил из поселка как ошпаренный. Вот ведь сучка, а? Всегда была стервой и сейчас стерва. Только когда в школе она в мини-юбках шастала, обрезав школьный форменный костюм чуть ли не до уровня трусов, Пашка смотрел

на нее и не мог не восхищаться. Смелая, порывистая, сам черт не брат. Ничего не боится. Красивая, стерва. А сейчас ее порой хотелось задушить. Чтоб молчала и не выступала, как тяжела и неказиста ее красивая жизнь, как ненавидит она все то, ради чего Павел продался с потрохами. Из-за чего столько раз просыпался от кошмаров, в страхах и паранойе увешивая свой дом камерами наблюдения и раскладывая в каждой комнате оружие в потайном месте. Деньги – а кому они даются просто так? Хочешь ходить в белоснежных костюмах, придется сначала измазаться в грязи. И ведь для кого же это все – для себя? Нет же, для нее, для Машеньки.

– Все бабы суки, – уверенно успокоил его Степанов, давно уже не напрягавший себя выяснением отношений с женой. Жена должна «а» – сидеть и «б» – тихо. А если она этого не понимает – он умеет доходчиво объяснить.

– Нет, она что, думает, что такого, как я, можно вот так вот взять и бросить? – вопрошал Паша. Это был все тот же день, ВЧЕРА, Павел вспомнил, что это была пятница и, таким образом, контракт был просто фантазией, отмазкой. Не зря он о нем ничего не смог вспомнить. Не было никакого контракта, был Степанов в загородном клубе на Дмитровском шоссе.

– Нас бросить нельзя, только мы можем овдоветь, – уверенно сказал Степанов, ударив кием по шару. Мимо.

Степанову не везло. Павел не обращал на все это никакого внимания. Ее смех, ее злые слезы, она с некоторых пор стала все чаще оставаться спать на этом самом пресловутом диване, ссылаясь на то, что просто задремала и не дошла. Все это было плохо, очень плохо. Это было совсем не то, чего Павел для них хотел. Да, он не ангел, он такой, как все, соответствовал той среде, в которой жил и зарабатывал. Много зарабатывал, между прочим. Позволял Лиде вообще ни о чем не задумываться. Но она задумывалась. О том, почему от него пахнет женскими духами. Почему он не каждый день ночует дома. Почему ему все это кажется нормальным. Однажды она спросила, что он будет делать, если она изменит ему, переспит с другим.

– Кого ты победишь убивать тогда, меня или его?

– Обоих, – ответил он.

– Что ж, это выход, – улыбнулась она. – Значит, мужчинам можно, а женщинам нет?

– Ты знаешь, что я никого никогда не убивал, – мрачно ответил Павел. И это было правдой. Были некие границы, дальше которых он бы никогда не пошел. Наверное. Жизнь – такая сложная штука. Если ты сидишь с бумагами и калькулятором, если ты просто организуешь документооборот, а потом человек из-за этого документооборота лезет в петлю – кто виноват? А если ты и в самом деле не знал, что это кончится именно так? Если ты был уверен, что человек выдержит. Человек же ведь живучая скотинка, все переживет. Всегда все переживали, а этот странный лысенький маленький человечек, директор заводика, взял, да и помер. Не смог жить без своего миллиона. Это произошло несколько лет назад, но Павел так и не смог забыть его лица. Почему? В конце концов, ничего личного, только бизнес. Такой уж он у нас, на Руси. Но Павел бы никого и никогда не убил.

– Я знаю. Я вообще не понимаю, Павлушка, как ты во всем этом выживаешь? Разве можно во всем этом существовать? – спросила Лида.

– Но если я узнаю, что у тебя кто-то появился, ты моментально окажешься на улице, – ответил он.

– Ты уверен, что меня этим можно испугать? – удивилась Лида.

Вот такие отношения, такая семейная жизнь. Не мог Паша, не умел, как Степанов, засветить промеж глаз, чтобы знала. Даже представить себе не мог, как это возможно – ударить женщину. Степанов считал, что Пашка – типичный чистоплюй. Но что теперь Степанов может знать? Степанова теперь вовсе никакого нет. Это Пашка тоже понял. Из всего этого ВЧЕРА он не смог воскресить в памяти только окончания дурацкого анекдота. А так он помнил, что из клуба они решили поехать к степановской любовнице в Химки и долго собирались, было уже поздно, начинало темнеть. Степанов был пьяным, Пашка еще пьянее. От утреннего раз-

говора он вообще был мрачнее тучи. Ему теперь отчетливо казалось, он был почти уверен, что у Лидии кто-то есть. Кто-то с чистыми руками, с большими деньгами, без этих ночных кошмаров. Он уже ненавидел его лютой ненавистью, но, когда Степанов предлагал устроить за Лидкой слежку, в ужасе отказывался, говорил, что разберется сам.

– Ну-ну, – смеялся Степанов. – Все это чистоплюйство с бабами – только перевод времени. Смотри сам.

– Я посмотрю, – кивал Паша и наливал еще. В тот день, ВЧЕРА, он перебрал так, что даже сама мысль о том, чтобы сесть за руль, показалась ему дикой. Хотя пьяным он ездил, не боялся. Менты на дорогах брали немного, а сильно Паша не пил. Но не ВЧЕРА. Так что за руль сел Степанов. Почему это не был его водитель? Нет, Паша не смог этого вспомнить. Был ли вообще этот водитель с ними в клубе, а если не был, то почему – это все прошло мимо его памяти, осталось валяться там же, где и лежали воспоминания о номерах машин, телефонах, о том, как выглядит Пашина дочка. Зато вспомнился Степанов, с трудом попадающий ключом в зажигание.

– Может быть, вам вызвать такси, – вспомнился вдруг чей-то голос. Чей же? Кажется, администратора клуба. Эх, почему в русских развлекательных заведениях нет традиции вытаскивать и прятать ключи от тачек. Нет, нету такой традиции.

– Танки пьянки не боятся, – ответил Степанов. – Какое, на хрен, такси. У нас такая «бэха»! Долетим.

– Я Лидке позвоню, – сказал Пашка, когда они гнали по МКАДу. Как же Степанов гнал, почему же он к своим почти пятидесяти годам все еще не нагонялся. Паше почему-то ужасно захотелось услышать Лидин голос. Ему вообще не в радость было переться в эти Химки, он устал, выпил лишнего, его подташнивало и хотелось, чтобы Лидка легла с ним рядом, в их огромную постель, обязательно совсем-совсем голая. Включила бы ящик, он бы обнял ее и заснул, продолжая во сне чувствовать ее тело. А она бы лежала под тяжестью его рук и смотрела какой-нибудь дурацкий сериал. Доктора Хауса, например. Чего она в нем нашла, садистский сериал.

– Не звони. Пусть поскушает, – возразил Степанов и выхватил Пашкин телефон.

– Что ты делаешь? – возмутился тот, глядя, как Степанов выкидывает его дорогуший аппарат в окошко.

– Все они – сучки. Вот я лучше тебе анекдот расскажу! – размахивая руками, кричал Степанов. – Встретила как-то Красная Шапочка Серого волка.

– Зачем ты телефон-то выкинул, придурок пьяный, – возмущенно покачал головой Пашка и откинулся на сиденье.

– А он ей и говорит: у тебя, говорит, Шапочка моя милая, только два варианта!

– Степанов, на дорогу смотри.

– Да ты слушай! – отмахнулся тот. В этом месте в памяти Павла снова наступил пробел. Только смеющееся лицо Степанова, а потом удар, от которого Пашку вдавило в кресло, а лицо Степанова вдруг отчего-то как-то резко дернулось в сторону, а потом и вовсе как-то закрутилось. Чувство это было странное – как на аттракционе в парке Горького. Кажется, это назывался «Сюрприз». Когда встаешь, пристегиваешься цепью, а потом целый круг с пристегнутыми людьми начинает раскручивать так, что кружится голова. Вот и тут примерно то же самое. Американские горки, в натуре. Пашка с немим изумлением смотрел, как машину раскручивает по дороге, почему-то пронося мимо других машин. Как они никого не задели – непонятно. А уж потом мир перевернулся, наполнился болью, скрежетом, криком, которые перемешались и не поддавались разделению и идентификации. Боли Павел почти не помнил, страха, как ни странно, тоже. Просто не успел испугаться, как все уже кончилось. И погрузилось в тишину.

Утверждение 5

Меня провести нелегко

(____баллов)

Жанна никогда не думала, что станет врачом. Больше того, если бы ей кто-то сказал, что она станет хирургом, девушка рассмеялась бы, сочтя это самой дурацкой идеей на свете. Может быть, психиатром, может быть, терапевтом (хотя можно ли считать за врача человека, который занят исключительно тем, что выписывает направления к другим врачам), на крайний случай каким-нибудь неврологом. Жанна была довольно пуглива, в детстве боялась крови и с любой мало-мальски выраженной царапиной тут же летела к матери вся в слезах. И у нее никогда не было желания резать лягушек, а ведь, кажется, именно оно требуется, чтобы стать хорошим хирургом. Грубо говоря, каким же надо быть садистом, чтобы взять и разрезать живого человека. Жанна садистом не была. Хотя и мазохистом тоже. Когда Ёжик вдруг впадал в странные настроения и пытался Жанну ругать, пилить или заваливать беспочвенными обвинениями, подпитанными дурацкой ревностью, ей хотелось взять скотч и просто заклеить ему рот. Можно еще и руки связать, чтобы он ими не размахивал. Ёжик был ревнив до болезненности. И это Жанну очень смущало. Нынешний Ёжик на самом деле был значительно лучше всех других. Симпатичнее, без вредных привычек, без бывшей жены с тремя детьми (что, согласитесь, неплохой бонус). Два минуса: отсутствие прописки и ревность. Жанна пребывала в задумчивости, взвешивая на весах, стоит ли ей, хирургу, состоявшейся личности, «комсомолке», «активистке», да и просто красавице, тратить время на человека, который кричит на нее, захлебываясь собственной слюной:

– Тебе на меня плевать! Тебе нужно, чтобы я тебя ни о чем не спрашивал? Думаешь, я не знаю, чем там вы, так называемые врачи, занимаетесь? На этих ваших ночных дежурствах?

– Что ты несешь? – удивлялась Жанна.

– Все бабы одинаковы!

– Ты что, проверял? Это может знать разве что гинеколог! – рассмеялась Жанна, но уже через секунду поняла, что сказала это зря. Ёжик побагровел и замолчал. Он стоял посреди коридора и наливался собственным ядом, который сочился у него даже из ушей.

«А как все хорошо начиналось, – подумала Жанна, вздыхая. – Два месяца, я уже практически привыкла к нему».

Стало даже все равно, будет ли он работать. И главное, что обидно, был бы повод для ссоры! Ведь всю субботу проторчали дома, ждали Бориску, потом мучительно чинили этот долбаный кран, выпроваживали Бориску, объясняя, что денег нет и придется брать натурой – бутылкой «Охотничьей». Жанна надеялась хоть в воскресенье отдохнуть, но воскресенье прошло просто псу под хвост. Ёжик весь день выпускал иголки и кололся. То ему канал по телику не тот, то еду не разогрели, то за компьютером сидеть мешают. И вот, нате пожалуйста. Под вечер разошелся окончательно.

– Значит, ты считаешь, что я не имею права знать, что ты мне верна? – выплеснулся наконец-то он. – Значит, ты будешь творить что хочешь, а я должен улыбаться и все сносить?

– Что? Что ты должен сносить? Я не понимаю, о чем ты?

– Я уверен, что ты спишь со своим бывшим мужем! – выпалил наконец Ёжик.

– Да что ты? – рефлексивно усмехнулась Жанна. – И где же я, интересно, предаюсь плотской страсти? И главное, зачем? Ты Бориску видел?

– Именно! – поднял вверх указательный палец Ёжик и смешно причмокнул губами. – Я видел, как он на тебя смотрит!

– И как? По-моему, как на источник средств. Или я чего-то проглядела? – продолжала веселиться Жанна.

– Не притворяйся. Так, как он на тебя смотрел, мужчина смотрит только на женщину, с которой спал.

– Ну... в какой-то степени ты прав, – пожала плечами Жанна. – Он же действительно со мной спал. Я уж не знаю, может, действительно у вас все так сложно. И вы эту хрень по взглядам определяете. Но это ж когда было?

– Какая же ты... – вдруг с яростью выдохнул Ёжик и понес уже окончательно какую-то ересь. Он булькал, как кипящий вулкан. Из него вырывались языки пламени. В этом извержении Жанна могла понимать только отдельные фрагменты. «Все вы суки развратные», например. А еще: «За такое ноги мало вырвать». Или вот это: «Америку надо взорвать за ее феминизм».

– А Америка-то тут при чем? – удивилась Жанна.

– Ненавижу я разврат! – кипятился он. – Ты думаешь, я буду это терпеть?

– Я думаю, что мне завтра на работу, так что не собираюсь весь этот театр уродов досматривать до конца. Я не заказывала билетов на этот спектакль. Тем более места в партере. Мне надо отдохнуть, – сказала Жанна и подумала, что она все-таки тоже включилась в это паранормальное явление и теперь ужасно зла. И тоже хочет кричать.

– Я не позволю так со мной обращаться! – окончательно обезумел Ёжик и принялся лихорадочно метаться по квартире, демонстративно игнорируя взглядом сидящую на диване Жанну.

– Собираешь вещи? – нахмурилась Жанна.

– Да! Или ты думала, я потрачу жизнь, чтобы смотреть, как ты крутишь задницей перед другими мужиками?

– Ничем я не кручу, – возмутилась она, – ты все придумал.

– Нет, я видел! – заорал Ёжик. – Ты просто такая же, как и все бабы.

– Какая?

– Распущенная дрянь. Я не позволю вытирать об меня ноги. И использовать меня не позволю! – Ёжик швырнул на середину комнаты чемодан и принялся беспорядочно сваливать в него свои пожитки. Пожитков было немного – Ёжик шел по жизни налегке. Несколько пар джинсов, рубашечка любимая в тонкую голубую полоску, рубаха в крупную клетку, вельветовая куртка, в которой сейчас еще было жарко ходить. Кроссовки, одна пара классических ботинок. Белье. Жанна внимательно наблюдала за Ёжиком, и ей становилось больно от потраченного времени, от потраченных душевных сил. Все-таки не три дня свиданий. Два месяца – это звучит гордо. Но что же делать, если вообще непонятно, как с этим бороться. Ведь не объяснишь же ему, что Бориска как сексуальный объект Жанну давным-давно не интересует. Не объяснишь, потому что Ёжик, видя, в каком непотребном состоянии теперь живет Бориска, все-таки предполагает в Жанне желание и стремление к совокуплению с бывшим супругом. Бориска теперь обрюзг, растолстел до неприличных пивных размеров, источал аромат перегара на три метра вокруг себя, был небрит и широко улыбался миру давно уже не леченными, дырчатыми зубами. «И вот к этому чуду в перьях Ёжик меня приревновал?» Жанна не знала, что и думать. Однако костер любви потух в пожаре ревности. Ёжик метал громы и молнии, застегивая чемодан.

– Ну что, ты ничего не хочешь мне сказать? – грозно спросил он, подкатывая чемодан к двери.

– Нет, не хочу, – покачала головой Жанна. Она подумала, что есть что-то глубоко ущербное в том, что мужчина (имеется в виду Ёжик) к сорока годам перекатывается от женщины к женщине с выдавшим виды темно-зеленым матерчатым чемоданом на колесиках, так и не

сумев ни разу ни с кем создать семью. Есть, значит, в нем какой-то изъян. Какая-то порча. Возможно, эта самая ревность, а возможно...

– Значит, я прав, – удовлетворенно кивнул он.

– Да. Возможно, ты прав и я страстно мечтаю отдаться любому встречному и поперечному. И меня вообще ничего не интересует, кроме того, чтобы залезть кому-то в штаны. Странно звучит, но допустим. Или предположим, что тоже вполне логично, что ты просто сма tyваешься, потому что я попросила тебя помочь мне расплатиться за квартиру. Ты жил здесь больше двух месяцев, и тебя никак не интересовало, откуда что берется. Деньги, продукты, уют. А тут – как же – такого прекрасного Ёжика попросили за что-то заплатить.

– Ты ошибаешься! – заорал Ёжик.

– Конечно, ошибаюсь. А ты прав – я хочу переспать со спившимся небритым имбицилом. Ты прав! – развела руками Жанна. – Давай, уезжай. Ты ничего не забыл? Все взял? Потому что я бы не хотела, чтобы ты еще хоть когда-то появлялся на моем горизонте.

– Вот! – поднял вдруг указательный палец Ёжик. Вид при этом скорчил многоумный, просто доктор наук.

– Что вот? – Жанна в ярости сдула с лица сбившуюся челку.

– Об этом я и говорю – ты не умеешь быть женщиной. Тебе надо мужчину подавить, тебе надо всем командовать. И ты во всем меня подозреваешь, думаешь, что я живу с тобой из-за денег? Ты с ума сошла?

– Ой-ей-ей, только не это. Только не надо вот этого. Уходил? Уходи. Давай без этих твоих теорий. Все, считай, поговорили.

– Боишься? Не хочется правды слышать? – едко улыбнулся Ёжик.

Жанна, не желая больше смотреть на весь этот цирк, ушла в кухню и заперлась на замок. Происходящее больше не интересовало ее. Слова всегда остаются словами, а дела – делами. И дела Жанна ценила куда выше слов, а Ёжик (как и многие другие в довольно длинном Жаннинном списке разочарований) явно предпочитал обходиться громкими словами. Жанна слышала краем уха, как Ёжик бродит туда-сюда по ее небольшой квартирочке. Она примерно представляла, как ему сейчас сложно – снова уходить в никуда, когда тут есть маленький кабинет, компьютер, питание трехразовое. Да, «проверочку» не прошел еще никто.

– Я уйду! – крикнул Ёжик, подойдя к Жанниной запертой двери.

Она видела через мутное стекло двери, как он нерешительно топчется в прихожей, как ждет, что она сделает хоть что-то, чтобы можно было продолжить этот болезненный, разрушительный диалог, этот отвратительный скандал с оскорблениями, с грубостью и с криками. Но все же скандал – это повод к тому, чтобы кто-то уступил, а тишина куда разрушительнее. Жанна знала, что, по сценарию, который почему-то сидит в голове у множества мужчин, женщина в конце концов должна не выдержать и от страха, что снова останется в одиночестве, выбежать из кухни и попытаться сделать что-то. Как-то его остановить. В идеале – упасть на колени и успеть ухватить его за вторую ногу, в то время как первой он уже ступит за порог ее дома. Она должна признать, что он был прав. Не столь уж важно в чем. Тогда он любезно признает, что про Бориску он тоже перегнул палку, но что поделаешь – он слишком любит ее, он слишком чист душой, чтобы выносить ее свободное поведение. Может быть, он даже запретит ей что-нибудь – встречаться с подругами или оставаться на ночные дежурства. Впрочем, с этим сложно – на ее деньги они живут. Нет, работу он не тронет. Только весь этот сценарий Жанна уже проходила, вцеплялась в ноги, рыдала, давала второй шанс, переставала вообще заикаться о деньгах – все это уже было и никакого результата не дало. Было только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.